

Ю. А. ЖДАНОВ

**ЗАКОН ЕДИНСТВА
И БОРЬБЫ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
КАК СУТЬ,
КАК ЯДРО
ДИАЛЕКТИКИ**

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
СССР

ОТДЕЛ
ПРЕПОДАВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

Ю. А. ЖДАНОВ

**ЗАКОН ЕДИНСТВА
И БОРЬБЫ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
КАК СУТЬ,
КАК ЯДРО ДИАЛЕКТИКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА
1967

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК
В. П. ЧЕРТКОВ

Отдел преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР рекомендует работу профессора Ю. А. Жданова «Закон единства и борьбы противоположностей как суть, как ядро диалектики» в качестве материала для преподавателей высших учебных заведений.

В собственном смысле
диалектика есть изучение
противоречия
в самой сущности явлений.

Ленин

ВВЕДЕНИЕ

Уже обыденное сознание людей издавна отмечало наличие противоборствующих, противоречивых сил и тенденций в явлениях природы и общества. Свет и мрак, жара и холод, жизнь и смерть, любовь и ненависть, добро и зло — этими исключаящими друг друга категориями человеческое мышление оперирует не одно тысячелетие. В фантастическом зеркале религии все это отражалось как борьба добрых и злых духов, Ормузда и Аримана древних иранцев, бога и дьявола христиан. Остроумие черпает в жизненных противоречиях материал для своих парадоксов. Немало изощренных, но бесплодных усилий затратила плоская ученость, чтобы изгнать противоречие из науки, доказать гармонию, законченность, непротиворечивость всего существующего. Как бы в насмешку над этими попытками природа дарит нас все новыми противоположностями. Физика обнаружила противоположность поля и вещества, положительного и отрицательного электричества, волновых и корпускулярных свойств материи; астрономия открыла противоречивый процесс концентрации и рассеивания материи во Вселенной; химия значительно углубила наше понимание распада и синтеза соединений, а биология — процессов ассимиляции и диссимиляции, изменчи-

вости и наследственности; физиология выявила противоречивые процессы возбуждения и торможения в нервной системе, иррадиации и концентрации возбуждения в коре головного мозга. Метеорология изучает взаимодействие теплых и холодных воздушных масс, циклонов и антициклонов. Геологи открыли в строении Земли противоположные образования: геосинклинали и континентальные платформы.

Вся природа как бы соткана из противоречий, что полностью отвечает мысли Ленина о наличии «противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»¹.

Борьба взаимно противодействующих сил и тенденций с особой ясностью обнаруживается в сфере общественных явлений; в классовых, антагонистических формациях она во всей своей обнаженности и непримиримости раздирает общественный организм. Замечательно образно об этом писал Маркс: «В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши откры-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

тия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»¹. Современное общественное развитие являет немало примеров борьбы и столкновения противоречивых сил и тенденций.

Противоречие порождает внутренние импульсы к развитию данного природного тела или социального организма. Без понимания диалектического учения о противоречии подлинное познание, подлинная наука невозможны.

В сегодняшнем мире вряд ли можно найти людей, которые отвергают принцип развития: слишком убедительно свидетельствуют в пользу него и данные естествознания, и данные социологии. Огромное большинство думающих людей готово признать наличие противоположностей как в природе, так и в обществе. Можно ли на этой основе считать, что диалектический метод стал отныне господствующим? Очевидно, нет. Дело в том, что признание движения, развития, принципа полярности еще не выводит мышление за узкие рамки метафизических представлений. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» ясно сформулировал коренное отличие метафизической концепции развития от диалектической. Первая рассматривает «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение», т. е. видит лишь количественную сторону явлений, циклические процессы движения, не замечает путей возникновения нового; эта концепция рассматривает противоположности как абсолютные, неподвижные, она омертвляет, огрубляет предмет, лишает его внутренних импульсов развития. Вторая — диалек-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 4.

тическая концепция рассматривает развитие как единство противоположностей, предполагающее раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимное проникновение их ¹.

Противоречие как единство противоположностей в диалектике берется исторически: с учетом его возникновения, развития и исчезновения как в объективном мире, так и в голове познающего человека. Нетрудно заметить, что каждое природное или общественное явление заключает в себе не одно противоречие, а некоторую их систему. Диалектический метод позволяет обнаружить, как соотносятся эти противоречия внутри явления. Диалектический метод не останавливается на признании, констатации противоречия, он ищет пути его разрешения. Это делает возможным познание тех способов, с помощью которых в природе и обществе зарождается новое. Это открывает дорогу для революционной, преобразующей практики: именно в этой сфере, в сфере активной человеческой деятельности, только и открываются реальные, практические возможности, пути разрешения теоретических противоречий.

¹ См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

●

Глава 1. ДИАЛЕКТИКА ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Чтобы понять, как возникает и развивается противоречие, необходимо в первую очередь рассмотреть его простейшую, элементарную форму: диалектику тождества и различия внутри любого предмета или явления. Уже здесь в зародыше обнаруживаются все существенные стороны и моменты противоречия, которые затем выступают в более развитом виде.

Предметам и явлениям окружающего мира свойственна известная устойчивость, определенность. Без этого качества в мире ничто не могло бы существовать. Это фиксированное, пребывающее равенство предмета самому себе мы называем тождеством. Тождество отражает в понятии покоящееся бытие предмета, означает сохранение предмета в некотором постоянном виде, тем самым оно положительно по своему характеру. Оно выражает консервативную сторону предмета.

Вместе с тем мы знаем, что каждый объект природы, общество и отдельный человек находятся в непрерывном изменении. «В одну и ту же реку нельзя войти дважды», — говорил Гераклит, выразив этим в афористической форме текучесть, подвижность, непостоянство всего существующего. В каждый данный момент любой предмет уже не тот, чем он был прежде, следовательно, его устойчивость, равенство самому себе лишь относительны; предмету свойственно внутреннее различие. Различие представляет собой как бы внутреннее беспокойство

предмета, бесконечное стремление выйти за рамки самого себя, испепелить себя в изменчивости. Это постоянное убегание от себя не имеет какой-либо границы, оно поэтому выражает негативную, отрицательную природу предмета; оно стремится его сокрушить, разрушить установившееся тождество.

Поскольку однако предмет продолжает пребывать, сохраняться, то это бесконечное убегание от себя есть в то же время возвращение к тождеству с самим собой. Тождество, таким образом, выступает как предел различия, как борющаяся, противоположная сторона предмета.

Итак, тождество и различие противостоят друг другу в предмете как две его противоречивые стороны. Однако вместе с тем они взаимно обуславливают и проникают друг друга. Представим себе, что деятельность различия полностью разрушила тождество предмета с самим собой. В таком случае мы имеем просто-напросто другой предмет, который, конечно, может быть сравнен, сопоставлен с первым, но обнаруженные в результате такого сравнения различия будут уже не внутренними различиями данного предмета, а различиями двух разных предметов.

С другой стороны, различие есть необходимое условие тождества, поскольку последнее есть всегда тождество внутренне различных моментов, состояний предмета. Абсолютное тождество, которое не имеет внутренних различий, лишь на первый взгляд представляется чистым бытием предмета, в действительности же оно небытие, ничто.

Итак, каждый предмет представляет собой единство противоречивых моментов — тождества и различия, которые, с одной стороны, обуславливают друг друга, а с другой — находятся в отношениях «борьбы». Но, как

подчеркивал В. И. Ленин, сутью диалектики является «раздвоение единого и познание противоречивых частей его»¹. В истории познания тождество и различие как противоречивые стороны предмета воспроизводятся в понятии не сразу, не одновременно, не адекватно. Познание как бы рассекает, расчленяет единое и на известном этапе рассматривает эти расчлененные стороны независимо друг от друга, противопоставляет их друг другу, абсолютизирует одну из сторон. С этим явлением мы сталкиваемся в истории философии.

Единство противоположных определений тождества и различия внутри явлений и предметов природы замечательно живо, хотя и наивно, воспринял и отразил Гераклит. Он писал: «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это». «Враждующее соединяется, из расходящихся — прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу»². Однако уже в Древней Греции возникли философские учения, разорвавшие единство противоположных определений, в том числе тождества и различия. Философ Парменид создает свою концепцию неподвижного, единого бытия, односторонне фиксируя в сознании лишь тождественную сторону предметов. Это тождественное, равное самому себе «шарообразное» бытие так характеризуется Парменидом:

Не возникает оно и не подчиняется смерти.

Цельное все, без конца, не движется и однородно.

Не было в прошлом оно, не будет, но все — в настоящем,

Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь
начало?³

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316.

² «Материалисты древней Греции». М., 1955, стр. 42—49.

³ «Античная философия». М., 1940, стр. 48.

Мы видим, что абстракция тождества, возведенная в абсолют, приводит Парменида к отрицанию всякого развития. Хотя, по его мнению, такое равное самому себе бытие не подчиняется смерти, на самом деле оно — мертво, для него нет ни прошлого, ни настоящего, ни движения, ни изменения. В естествознании нового времени указанный взгляд на тождество проявился в учениях о постоянности органических видов, об извечности и неизменности атомов.

Древние релятивисты, и в первую очередь Кратил, оторвали и возвели в абсолют другую сторону противоречивого единства предметов и явлений — различие. Тождество предметов самих с собой для них полностью устранено. Как бы возражая Гераклиту, Кратил говорит, что не только два раза, но и один раз нельзя войти в одну и ту же реку. Такая позиция приводит в конечном итоге к отрицанию возможности познания мира, к агностицизму и софистике.

Трудность восприятия противоречивого единства тождества и различия проявляется и в том, что противоречие усматривается лишь в различии, т. е. односторонне, вне тождества. Этот взгляд был подвергнут справедливой критике со стороны Гегеля. Рассмотрев последовательно сменяющие друг друга стадии развития одного и того же растения, у которого почка исчезает, когда распускается цветок, а цветок как бы отрицается, опровергается плодом, Гегель пишет: «Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как другой»¹. Итак, противо-

¹ Гегель. Феноменология духа. Соч., т. IV. М., 1959, стр. 2.

речие предмета заключено не в одном лишь выхваченном различии, а в единстве различия и тождества.

Теперь нам необходимо рассмотреть вопрос о противоречии несколько в другом аспекте. До сих пор мы имели дело с каким-либо одним предметом или явлением, но реальный процесс познания заставляет нас рассматривать, сравнивать совокупность многих предметов. При таком подходе тождество выступает как общая природа, общее внутреннее единство многообразного. В таком случае и различие предстает перед нами в более усложненной, развитой форме: во-первых, как внутреннее различие каждого предмета и, во-вторых, как отличие их друг от друга. Последнее устанавливается с помощью аналитической деятельности вычленения особенностей, сопоставления, классификации. В описательном естествознании односторонне аналитический подход господствовал длительное время, он характерен для тех отраслей науки, в которых идет процесс накопления фактического материала и отсутствует еще (или не найдена) возможность перейти к обобщению, к синтетической теории.

Современная наука для своего развития требует широкого применения метода аналитического расчленения объекта в целях его более полного и углубленного познания. Классическая термодинамика XIX века рассматривала характеристики макротел с помощью обобщенных параметров: температуры, давления. Современная статистическая термодинамика все более детально изучает состояние данного макротела, учитывая флуктуации плотности и давления, различия в скоростях молекул, различия во внутренних состояниях молекул, характеризующиеся распределениями по энергиям, формам колебаний атомов и т. д.

При изучении общественных явлений, в ходе конкретно-социологических исследований также необходимо применять статистические методы группировок, расчленения, подразделяя объект исследования, выделяя отдельные показатели. При этом никогда не следует за деревьями упускать из виду леса, т. е. терять тождественные, внутренне единые стороны изучаемых явлений.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» очень весело позабавились над теми социологами, которые фиксировали свое внимание на различии, на несравнимости предметов, игнорируя их единство. Они лишут о знаменитой в свое время итальянской певице Персиани, голос которой ценители называли несравненным. Маркс и Энгельс отмечали, что эта несравненность имеет своей предпосылкой деятельность сравнения, сопоставления с голосами других певиц; фиксируемое здесь различие есть индивидуальное различие внутри тождества многих человеческих голосов. Пение Персиани несравнимо с кваканьем лягушки, хотя здесь сопоставление еще возможно, но на иной основе: уже не как индивидуальное, а как видовое или родовое сопоставление голоса человека вообще с голосом того или иного животного. Маркс и Энгельс отмечают, что совершенно невозможно сопоставлять голос Персиани, например, с хвостом кометы, поскольку различие между этими явлениями уже не имеет никакой внутренней основы, никакого единства. Следовательно, различие имеет смысл, когда существует тождество.

Критикуя непонимание диалектического противоречия единства и различия, Маркс писал:

«Весь грубиянский характер здравого человеческого смысла, который черпает из гущи жизни и не калечит своих естественных склонностей никакими философскими или другими научными знаниями, сказывается в

том, что там, где ему удастся заметить различие, он не видит единства, а там, где он видит единство, он не замечает различия. Когда он устанавливает различающие определения, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом»¹.

Другой крайностью, встречающейся в процессе познания, является одностороннее фиксирование в предметах тождества, их единства. На заре развития естествознания это находило выражение в стремлении свести качества тел к поведению тождественных себе сущностей: электрической или магнитной жидкостей, теплорода, звукорода. Концепция эфира также рухнула потому, что эта воображаемая всеобщая среда была определена лишь с точки зрения тождества с самой собой, безразличного равенства своих свойств, без какого-либо внутреннего саморазличия или отрицательности; преодоление подобной позиции начато в современной теории поля, где поле выступает одновременно как непрерывное, так и дискретное, как фиксированное, так и флуктуирующее, как покоящееся, так и распространяющееся. Идея неподвижного тождества господствовала в додарвиновской биологии, ее влияние можно обнаружить в ранних преформистских вариантах корпускулярной генетики. В науках о Земле концепция актуализма, согласно которой геологические процессы прошлого рассматриваются лишь как аналоги современных, также носила на себе известные черты указанного одностороннего понимания тождества. Структурная формула химического соединения подчеркивает тождество молекул данного вещества, оставляя в стороне их различие; только современный

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 299.

прогресс химии и физики позволяет преодолеть эту односторонность.

Такой односторонний подход естествоиспытателей к своему объекту был в свое время подвергнут критике со стороны Энгельса, который писал в «Диалектике природы»: «Но уже в неорганической природе тождество как таковое в действительности не существует. Каждое тело беспрерывно подвержено механическим, физическим, химическим воздействиям, которые все время производят в нем изменения, модифицируя его тождество»¹. Это в еще большей степени относится к процессам живой природы; здесь метаболический вихрь в каждое мгновение видоизменяет структуру мириад молекул, непрерывно идет процесс возникновения и разрушения жизненно важных соединений, образования и гибели клеток.

Глубокую мысль высказал в свое время Д. И. Менделеев, который полагал, что «в состоянии химической неизменяемости уже существует обмен между однородными атомами однородных частиц»². Он предположил, что если даны две одинаковые молекулы AB и AB , то A из первой может переходить во вторую, и обратно. Это предположение блестяще подтверждено современной химией. В результате применения метода меченых атомов оказалось, что скрытый химический процесс может происходить в смесях веществ, не приводя к изменению их строения. Это наблюдение кладет конец господствовавшему долгие годы представлению о химических соединениях как о таких явлениях природы, которые способны неопределенно долго пребывать в состоянии неподвижного, неизменного тождества.

В области общественных явлений почтительным преклонением перед тождеством грешит чиновничье-благо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 529.

² Д. И. Менделеев. Соч., т. XV, стр. 349.

намеренная точка зрения, которая пугается различий, не понимает единства как прежде всего единства многообразного, стремится к унификации методов работы, вкусов, мнений, форм организации. Против такого подхода к делу строительства общественных отношений решительно выступал Ленин, который, требуя единства в главном, настаивал на разнообразии путей и методов подхода к социалистическому строительству, на всемерной мобилизации народной инициативы, обязывал учитывать местные условия и местный почин. В работе «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» Ленин отмечал: «...Это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство»¹.

Марксизм-ленинизм решительно выступал и выступает против уравнительного коммунизма, нивелирующего индивидуальные различия между людьми, их способности и потребности, представляющего общество будущего как казарму, где одинаково подстрижены головы и мнения, где богатство и многообразие различия отдано в жертву скучному тождеству. Научный коммунизм ничего общего не имеет с этим убогим представлением об обществе будущего. Развитие коммунистического общества может опираться лишь на максимальное развертывание, обнаружение богатства и разнообразия задатков, способностей, возможностей индивидуумов.

Итак, попытки понять, справиться с противоречием тождества и различия путем выдергивания, выхватывания одной из противоположных сторон лишены какого-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 301—302.

либо методологического основания, не могут быть оправданы ни теоретически, ни практически. Следует однако коснуться точки зрения, которая признает и тождество и различие, но отрицает их диалектическое противоречие. Эта концепция связана с неправильным толкованием принципов формальной логики. Формальная логика занимается опредмеченными в языке формами мышления. В систему понятий этой науки входит закон тождества ($A=A$), утверждающий равенство высказывания самому себе, и закон противоречия, отвергающий возможность того, чтобы A было одновременно и A и не- A . Соблюдение законов формальной логики абсолютно необходимо при любом изложении мысли, при всяком научном исследовании. В настоящее время формальная логика достигла своего высшего развития в математической логике, которая создала возможность использования машинной техники для сбора, переработки информации, моделирования логических процессов. Все это, безусловно, облегчает работу человеческой головы.

Однако формальную логику нельзя отождествлять с наукой о мышлении, поскольку такой наукой является диалектика. Тем не менее позитивисты пытаются произвести такую подмену, представить формальную (или математическую) логику как науку о мышлении и с ее помощью ликвидировать диалектику, в первую очередь, конечно, учение о противоречиях.

Этому служит логический дистинктивизм, стремящийся всякое противоречие свести к простому различию. Такое сведение не только возможно, но и необходимо, однако лишь в рамках языкового формализма. Мы пришли бы к невообразимой путанице в мыслях, если бы в ходе наших рассуждений предполагали, что этот предмет одновременно «роза» и «не-роза». Но когда мы с

позиций теории развития анализируем реальный процесс, когда мы рассматриваем становление и судьбу понятия, мы необходимо приходим к выводу, что данный предмет должен быть тем, чем он является, и вместе с тем другим, что «роза» может быть одновременно и «розой» и «не-розой», например «шиповником» или чем-то еще новым и неизвестным, что создает из нее рука садовода.

Формально-логическая попытка «переварить» противоречие, сведя его к простому различию, лежит вне сферы подлинно познающего мышления, которым только и занимается диалектика. Однако эту формально-логическую попытку мы должны рассматривать как определенную форму не только языкового опредмечивания, но и мышления. Здесь обнаруживается метафизическая гносеология, отвергающая реальность противоречия, односторонне смазывающая противоположности в природе и обществе, подменяющая их простым различием. Такая гносеология мешает видеть предмет в его подлинном самодвижении; в общественной практике она служит интересам уходящих классов и общественных сил, заинтересованных в том, чтобы затушевывать реальные противоречия общественной жизни. Этому, в частности, служит распространенный ныне в буржуазной философии логический позитивизм.

Здесь нельзя не коснуться тех споров, которые ведутся в настоящее время вокруг так называемых «думающих машин». Некоторые восторженные и увлекающиеся авторы видят в них орудие для преодоления несовершенства и медлительности мыслительной работы мозга, якорь спасения от информационного всемирного потопа, средство познания процессов, перед которыми пасует человек, ключ к райской обители, где человеку не придется работать головой, поскольку эту задачу возь-

мет на себя машина; не менее увлекающиеся, но мрачно настроенные оппоненты видят в «думающей машине» угрозу цивилизации, причину гибели и вырождения человечества, его порабощения роботами и автоматами.

По своей природе, характеру и последствиям применение вычислительных, логических машин в принципе ничем не отличается от использования машин в сфере материального производства. В современном крупном производстве процесс труда расчленяется, разлагается на такие простейшие, элементарные акты, которые делают возможным и необходимым применение машин, способных осуществить эти акты быстрее, точнее, проворнее, чем это делает рабочий. В условиях капиталистического применения машины создалась тем самым ситуация, очень ярко обрисованная Марксом: «...Так как рабочий опустился до роли машины, то машина может выступить против него в качестве конкурента»¹. Аналогичная ситуация сложилась с возникновением быстродействующих вычислительных машин и для рабочих умственного труда, для тех видов работы мозга, которые допускают формализацию.

Возникающие здесь противоречия неразрешимы в рамках капитализма, поскольку в мире социальных конфликтов и антагонизмов человек подавлен общественным разделением труда, машина страшит его как эффективный конкурент, угрожающий ему вытеснением из сферы производства.

Что касается коммунистической формации, то коммунисты заинтересованы в возможно более быстрой, широкой замене однообразных, нетворческих форм живого труда работой машин, автоматов, поскольку они освобо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 526—527.

ждает труженика от тяжелого, малопроизводительного труда, расширяют границы свободного времени, необходимого для всестороннего развития личности. Это относится и к работе головы, которая должна быть максимально освобождена от нетворческих, формальных операций, освобождена для диалектического мышления, для диалектического анализа процессов природы и общества в целях воздействия на них.

Рассматриваемый в самой общей форме процесс диалектического развития идет от некоторого единства к различию и от него к новому единству. Однако при анализе реального процесса всегда приходится иметь в виду конкретные противоречия предмета, которые являются подлинными двигателями его развития, а в различии видеть форму существования противоречия. Мы знаем, что внутри данного органического вида возникают разновидности, которые приводят к образованию новых форм животных и растений, к гибели исходного вида. Опыт истории учит, что внутри данного общества возникают элементы новых общественных отношений, которые вначале кажутся слабыми и случайными, но в конечном итоге развиваются до противоположности и приводят к смене формации. Зародившись в качестве различия, противоречие развивается до противоположности, до возникновения полярных форм. Наступает такой момент, когда «противоречие, которое вообще имеется в предметной сущности, распределяется между двумя предметами»¹.

¹ Гегель. Феноменология духа. Соч., т. IV, стр. 67.

Глава 2. ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ПОЛЯРНОСТЬ

Мы видели, что тождество и различие могут выступать в виде противоположностей, оторванных друг от друга и противопоставленных друг другу. Раздвоение единого, о котором говорит В. И. Ленин в «Философских тетрадах», не является лишь иллюзией субъективной диалектики, напротив, мы постоянно наблюдаем этот процесс в объективном мире. Это раздвоение приводит к резкому размежеванию противоположностей, к их полной поляризации. В истории философской мысли такая поляризация нашла свое воплощение в дуалистических представлениях пифагорейцев, которые видели в вещах и противопоставляли друг другу, по выражению Гегеля, сухие, лишённые процесса, покоящиеся определения: чет-нечет, правое-левое, единство-множество, предел-беспредельное, прямое-кривое, свет-тьма и т. д.

Как естествознание, так и социология щедро подкрепляют тезис диалектики о том, что в своем развитии противоречие достигает в конечном итоге степени поляризации. Энгельс писал в «Диалектике природы»: «В магнетизме начинается полярность: она здесь обнаруживается у одного и того же тела; в электричестве же она распределяется между двумя или несколькими телами, приходящими во взаимное напряжение. Все химические процессы сводятся к явлениям химического притяжения и отталкивания. Наконец, в органической жизни надо рассматривать образование клеточного ядра

тоже как явление поляризации живого белка, а теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления»¹. В качестве полярных противоположностей современной физики выступают вещество и поле, волновые и корпускулярные свойства материи, энтропия и негэнтропия; в кибернетике полярными понятиями являются сигнал и шум; в математике — дифференцирование и интегрирование.

Известный биохимик Фрей-Висслинг оправедливо заметил, что два компонента клеточного ядра — «белковые цепи и цепи нуклеиновых кислот — характеризуются противоположными химическими свойствами»². Современная иммунология свидетельствует о полярной противоположности антигена и антитела. В органической химии и в молекулярной биологии мы сталкиваемся с противоположными процессами окисления и восстановления, полимеризации и деполимеризации.

Поскольку противоположные стороны, свойства объектов оказываются разорванными в полярности, то и процесс познания начинает протекать в форме борьбы противоположных, взаимоисключающих концепций, гипотез, теорий, учений и школ.

Когда зародилась научная геология, на протяжении долгих десятилетий шел ожесточенный спор между так называемыми нептунистами (Нептун — бог моря) и плутонистами (Плутон — бог подземного царства). Сторонники первого направления, основателем которого был немецкий геолог А. Вернер, полагали, что важнейшим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 526.

² А. Фрей-Висслинг. Субмикроскопическое строение протоплазмы и ее производных. М., 1950, стр. 202.

фактором, преобразующим поверхность земного шара, является вода. По их мнению, в первородном океане постепенно отлагались в виде осадков граниты, сланцы, известняки, глины, уголь, каменная соль, гипс и другие горные породы. При проникновении водных растворов в трещины возникали рудные жилы.

От работ Ломоносова и шотландского геолога Геттона ведет свое происхождение противоположная гипотеза плутонизма, или вулканизма, которая стремилась объяснить все геологические процессы «внутренним жаром» Земли. Эта гипотеза получила большое развитие в результате исследований немецких естествоиспытателей Александра Гумбольдта и Буха. Они обратили внимание на связь вулканизма с горообразованием, показали роль магмы в возникновении кристаллических пород (гранитов, базальтов) и рудных тел. Они объясняли движение земной коры действием вулканических сил.

Современная геология преодолела крайности и нептунизма и плутонизма (уже Ломоносов не был односторонним плутонистом). В каждой из этих концепций есть правильные наблюдения, сохранившие свое значение и в настоящее время. Но то, что было разорвано и противопоставлено нептунистами и плутонистами, выступает как диалектическое единство в новейшем естествознании, которое рассматривает противоречивые процессы, обусловленные действием, с одной стороны, внутренних сил Земли, особенно радиогенного тепла, а с другой — внешних факторов: солнечной радиации, воздуха, воды. Под влиянием тектонических сил вздымаются горы, появляются трещины, по которым поднимается магма, дающая при застывании кристаллические породы, рудные тела. Движение поверхностных вод и воздуха разрушает возвышенности, изменяет горные породы физически и химически. Продукты разрушения уносятся

реками и откладываются в морях и океанах. Многокилометровая толща накапливающихся осадков постепенно погружается на значительную глубину и преобразуется под влиянием внутреннего тепла Земли, глубинных вод, силы тяжести. При этом возникают граниты, гнейсы и другие кристаллические породы, которые снова поднимаются на поверхность тектоническими силами.

Долгие десятилетия в астрономии господствовало представление о возникновении звезд путем концентрации материи из диффузного, рассеянного состояния. Эта точка зрения была положена в основу теории Канта — Лапласа. Однако незыблемость небулярной теории в настоящее время подвергается суровым испытаниям: на основе астрофизических данных ныне возникла совершенно противоположная концепция развития звезд из сверхплотных материальных образований, существование которых предполагается во Вселенной.

В современной биологии наблюдается борьба двух взглядов на то, что считать основой жизни. Как пишет биохимик А. Рич, «...в живых системах было обнаружено два характерных класса макромолекул — белки и нуклеиновые кислоты, — каждый из которых может быть взят за основу при построении теории происхождения жизни»¹.

Разорванность этих концепций проявляется в том, что каждый исследователь вынужден постулировать чисто случайное возникновение исходного полипептида или полинуклеотида. Точки зрения настолько поляризовались, что не обращается внимания на единый план строения белка и нуклеиновой кислоты, в равной мере включающих кислотный и основной остатки.

Наличие полярно противоположных свойств живо-

¹ А. Рич. Передача биологической информации и проблема эволюции. Сб. «Горизонты биохимии». М., изд-во «Мир», 1964, стр. 90.

го — наследственности и изменчивости — привело к возникновению в биологии двух борющихся научных направлений. Первое из них в эволюции жизни придавало решающее значение явлению наследственности, представляя это свойство оторванным от условий жизни, а фенотип полностью и преформистски детерминированным генотипом. Второе направление исходило из фактов пластичности организмов при действии внешней среды, делало упор на их приспособляемость, адекватность реакции, представляло развитие организма как эпигенез, т. е. результат взаимодействия внешних и внутренних стимуляторов со структурами яйцеклетки. Накапливающиеся факты постепенно делают невозможной резкую противоположность двух точек зрения. Однако полярность теорий еще не преодолена синтезом более высокой концепции.

Итак, поляризация объекта познания на свои противоположности отражается в борьбе взаимоисключающих теорий.

Рассмотрим теперь несколько ближе поляризованные стороны противоположности. На первый взгляд кажется, что между ними должно существовать лишь отношение зеркальности: оба полюса одинаково хороши или плохи. Можно «плюс» называть «минусом», а «минус» — «плюсом», от этого ничего не изменится. Однако такая позиция не свойственна марксистской диалектике.

Дело в том, что реальные противоположности не отличаются друг от друга только знаком. Конечно, безразлично, что считать и называть в электричестве плюсом или минусом, северным или южным полюсом магнита. Но действительные стороны противоположности имеют каждая в себе своеобразную качественную специфику. Мы видим, что тождество и различие как противополож-

ные определения предмета играют разную роль в его судьбе, в его развитии. Это же в равной мере относится к другим противоречиям.

Физики говорят о зарядовой симметрии нашего мира, в котором величины элементарных положительных и отрицательных зарядов одинаковы, они лишь противоположны по знаку. Тем не менее наша часть Вселенной обладает вполне определенной зарядовой асимметрией: она построена из электронов и положительных ядер, а не из антивещества, материя которого должна состоять из позитронов и отрицательных ядер. Наука пока не может дать объяснения этому факту. Обнаруженное физиками несохранение четности в свойствах элементарных частиц также свидетельствует в пользу асимметрии окружающего нас мира.

Молекулы аминокислот, входящие в состав белков, могут иметь две химически тождественные, но противоположные по оптическим свойствам формы: левую и правую. В ходе обычного химического синтеза они всегда возникают в абсолютно равных количествах. Тем не менее обычно в белках молекулы аминокислот имеют лишь левую конфигурацию. Биохимики склонны объяснить это случайным возникновением левой формы при зарождении жизни, что, конечно, не может считаться ответом. Наука пока не может раскрыть и эту загадку. Приходится лишь предполагать, что левые и правые формы молекул отличаются друг от друга не только оптическими свойствами, но как-то более существенно связаны с вероятной диссимметрией, т. е. неоднородностью нашего физического пространства.

Молекулы химических соединений состоят из электронов и атомных ядер. Однако роль этих частиц в химических превращениях не одинакова. Хотя химический процесс требует в конечном итоге разъединения или со-

единения ядер, все же последние представляют положительную, устойчивую, консервативную природу молекулы, а электроны — ее изменяющуюся, текучую, отрицательную (в смысле саморазличения) сторону.

Если мы рассмотрим противоположность белка и нуклеиновой кислоты, то также заметим, что они неравноценны в своей полярности. Нуклеиновые кислоты — положительная сторона противоположности, они — хранилища и передатчики информации, им свойственны традиционализм и консервативность. Белковые молекулы ферментов, напротив, выражают непрерывно изменяющуюся, преобразующую и преобразующуюся, отрицательную сторону живого. Конечно, эти определения для каждой из сторон противоречия не абсолютны, но они объективно отражают их реальное взаимоотношение.

Надо сказать, что и в борьбе полярных теорий в науке нередко бывает так, что значение противоположных концепций не одинаково для дальнейшего научного прогресса. В химической науке долгое время шел ожесточенный спор о природе химического индивидуума. Бертолле, опираясь главным образом на материалы по исследованию растворов, утверждал, что химический состав тел может меняться непрерывно, что поэтому не существуют строго определенные химические соединения. В противоположность этому сторонники атомистической теории во главе с Дальтоном, также опираясь на факты, доказывали наличие в природе строго определенных химических соединений «дальтонилов», состав которых может меняться лишь прерывно, скачками. В наше время эти противоположные концепции слились в едином учении о строении вещества, в котором находят себе место как соединения со строго определенным составом, так и вещества с переменным составом. Однако для

своего времени взгляды Дальтона были более необходимыми для развития науки, ибо способствовали укреплению атомно-молекулярного учения, в то время как позиция Бертолле задерживала развитие атомистики.

Правильная оценка места и роли полярных сторон противоположности имеет огромное значение при анализе общественных явлений. Марксизм-ленинизм обращает на этот вопрос исключительно серьезное внимание. В своем полемическом труде «Святое семейство» Маркс и Энгельс писали: «Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого.

Частная собственность как частная собственность, как богатство вынуждена сохранять *свое собственное существование*, а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность. Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обуславливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность»¹.

Марксистско-ленинская партия определенно и безоговорочно становится на сторону пролетариата, который выражает прогрессивную, революционную тенденцию исторического развития, данного общественного антаго-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 38—39.

низма. Это — основа партийности в подходе к общественным явлениям. Такая партийность выражает не тенденциозную субъективность позиции и интереса, а понимание объективного характера исторического процесса. При этом речь не идет об удержании одной стороны противоречия в ущерб или в противовес другой. Такая позиция была бы не диалектичной, ее отвергает Маркс, показывая в «Нищете философии» все убожество теоретической концепции Прудона. Прудон видел в экономических категориях буржуазного общества хорошую и дурную стороны, пользу и вред. Взятые вместе они составляют противоречие. Прудон полагал, что задача революционеров состоит в том, чтобы сохранить хорошие стороны и устранить дурные. Он мечется между двумя сторонами категории. «Диалектическое движение для самого г-на Прудона состоит лишь в догматическом различении хорошего и дурного», — замечает Маркс¹. Стремление метафизического мышления разрешить противоречие путем устранения одной из полярных сторон противоположности наивно и бесплодно, поскольку «существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляет сущность диалектического движения»². Устраняя буржуазию как класс, рабочий класс одновременно устраняет и себя как пролетариат, т. е. уничтожает свое рабское положение в обществе. При этом возникает новый общественный строй.

В своем труде «К критике гегелевской философии права» Маркс анализирует ошибочный подход, который был проявлен Гегелем в его попытке примирить противоречия политического государства и гражданского об-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 135.

² Там же, стр. 136.

щества путем введения некоего среднего элемента, опосредствующего крайности, некой «третьей силы», как сказали бы мы теперь. Главная ошибка Гегеля, как подчеркивает Маркс, вытекает из существа его философской концепции. Гегель понимает противоречие явлений общественной жизни как единство в сущности, в идее, поскольку он видит в истории лишь торжествующее шествие и воплощение абсолютного духа, в то время как это противоречие «имеет... своей сущностью нечто более глубокое, а именно — *существенное противоречие*», — отмечал Маркс¹.

Маркс показывает всю несостоятельность вульгарной критики социального противоречия, которая, как это имеет место у Прудона, носит догматический характер и, всюду натыкаясь на противоречия, не может выкарабкаться из них, цепляясь то за одну, то за другую сторону. «...Подлинно философская критика современного государственного строя, — пишет Маркс, — не только вскрывает его противоречия как реально существующие, но и объясняет их; она постигает их генезис, их необходимость. Она их постигает в их *специфическом* значении. Это *понимание* состоит, однако, не в том, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета»². Последнее замечание Маркса крайне важно для понимания всей методологии диалектического материализма.

Критика, которую обрушивает Маркс на стремление Гегеля опосредствовать крайние стороны противоречия, содержит следующие важные моменты. Действительные крайности, которые противоположны по своей сущности

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 324.

² Там же, стр. 325.

и тем самым не имеют между собой ничего общего, не тяготеют друг к другу, не дополняют друг друга в силу указанного и не могут быть опосредствованны чем-то третьим. Ходячее выражение «крайности сходятся» неприменимо к рассматриваемому случаю, поскольку оно касается тех крайностей, у которых имеется тождественная сущность, таковы северный полюс и южный полюс, одинаково являющиеся полюсами, таковы мужской и женский пол, образующие один и тот же род, одну человеческую сущность. Как подчеркивает Маркс, истинными, действительными крайностями были бы полюс и неплюс, человеческий и не-человеческий род, т. е. такие две различные сущности, которые взаимно исключают друг друга, внешне друг другу и лишены основания для опосредствования.

Принципиально иной характер имеет тот случай, когда крайности являются формой существования одной, но противоречивой сущности. При этом, отмечает Маркс, необходимо избежать той ошибки, когда *«резкость действительных»* противоположностей, их превращение в крайности считается чем-то вредным, чему считают нужным по возможности помешать, между тем как это превращение означает не что иное, как самопознание и в равной мере их пламенное стремление к решающей борьбе»¹. Итак, противоречие преодолевается не путем сглаживания, не путем опосредствования противоположных крайностей, а путем его раскрытия. Этот тезис материалистической диалектики отвергает плоскую метафизическую гносеологию всякого оппортунизма, который пытается примирить непримиримое, сгладить, смазать действительное противоречие, притупить его до простого

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 322.

различия. Такая методология характерна для современных буржуазных идеологов правосоциалистического толка, которые пытаются представить социализм и капитализм простыми разновидностями некоего единого индустриального общества, которые затушевывают коренное противоречие между пролетариатом и буржуазией, связанное с их местом в общественном производстве, сводя это противоречие к неравенству доходов.

История познания отмечает и такие этапы, когда противоречие объекта мыслится еще как безразличная противоположность. Так, отдельные социологи и по сей день видят лишь безразличную противоположность между отсутствием собственности и собственностью там, где существует антагонистическое противоречие. Теоретическое естествознание также еще не избавилось от безразличных противоположностей.

Наконец, Маркс рассматривает вопрос о том, может ли в одних и тех же предметах и явлениях окружающего мира иметь место дуализм, двойственность самой сущности. Он отвечает на этот вопрос отрицательно: сущность данного предмета едина, хотя и противоречива. Противоположный взгляд ведет к эклектике, в результате которой мышление, по выражению Маркса, застревает в противоречиях, мирно сосуществует с кричащими противоположностями. Ленин в свое время смеялся над российскими и западноевропейскими меньшевиками, которые предлагали сочетать в одном общественном устройстве диктатуру пролетариата и диктатуру буржуазии, учредилку и Советы. Этот немыслимый гибрид был бы воплощением дуализма сущности, но он никогда и нигде в истории не осуществлялся и осуществлен быть не может.

После февральской революции до октября 1917 года

в России существовали одновременно Временное правительство и Советы. Казалось бы, здесь был реализован указанный дуализм. Но двоевластие было дуализмом лишь в политической надстройке общества, а не в его сущности. По своей сущности Россия оставалась страной буржуазно-помещичьей диктатуры, поскольку заводы и фабрики продолжали оставаться во власти буржуазии, земля — в руках помещиков, армия — под командованием царских генералов, государственный аппарат верой и правдой служил эксплуататорам. В наступивший после Октября переходный период от капитализма к социализму в нашей стране развивалась социалистическая экономика и вместе с тем некоторое время сохранялись элементы экономики капиталистической. Однако сущность общественного строя и здесь была едина: диктатура пролетариата.

Учение о дуализме сущности отражает неспособность понять существенное противоречие и правильно разрешить его. Дуализм удерживает категорию противоречия в неразрешенной форме. Методологически он смыкается с кантовским антиномизмом, который формально фиксирует стороны противоположности в их неподвижности. Дуалистические представления весьма упорно держатся в современном естествознании. К ним относится концепция психо-физического или психо-физиологического параллелизма, рассматривающая объективное и субъективное в виде двух параллельных рядов явлений, которые хотя и могут «взаимодействовать», но лишь как два независимых торговца на рынке: хотят торгуют, не хотят разойдутся, могут друг друга и «надуть» (научно называется «диссоциация субъективного и объективного»).

Дуализм сущности как весьма распространенная методологическая концепция современного естествознания

с особенной яркостью проявляется в принципе дополнительности, выдвинутом копенгагенской школой физиков, в частности Н. Бором. Концепция дополнительности рождена бурными успехами естествознания и в первую очередь квантовой физики, которая обнаружила, что атомные явления не могут быть описаны в классических понятиях координат и импульса, что атомные объекты не подчиняются привычным законам механики. Прогрессивное для развития науки значение принципа дополнительности заключается в том, что он ставит во весь рост проблему противоречий в явлениях природы, является свидетельством того, что естествознание созрело для диалектики. Однако сторонники принципа дополнительности уходят от решения поставленного вопроса и тем самым останавливаются в преддверии диалектики, утверждая дуализм сущности самого предмета: электрон, с одной стороны, — корпускула, с другой — волна. Эта цепь рассуждений становится универсальной: жизнь характеризуется, с одной стороны, — генетической определенностью, с другой — внешними условиями; поведение человека, с одной стороны, определяется свободой его воли, с другой — обстоятельствами жизни; и как логическое заключение: в человеческом обществе, с одной стороны, существует западный капитализм, а с другой — восточный коммунизм, которые призваны дополнять друг друга.

В качестве методологической основы принципа дополнительности выдвигается особый характер взаимодействия объекта исследования и прибора в квантовой механике. Сам Бор пишет по этому поводу следующее: «Перед нами стоит здесь гносеологическая проблема, совершенно новая для философии естествознания, где до сих пор всякое описание опытных фактов основывалось на предположении, что можно четко разграничить поведе-

ние объектов от средств наблюдения»¹. В мире атомов, по мнению Бора, «ни один результат опыта... не может быть истолкован как дающий информацию о независимых свойствах объектов (свойствах объектов самих по себе)»². Итак, процесс познания, наблюдения влияет на изучаемый объект, что вносит неопределенность в его описание. Так ли уж нов этот вывод, как думают сторонники дополнительности?

Если обратиться к истории естествознания, то окажется, что в химии он был высказан свыше 120 лет тому назад известным французским исследователем Ш. Жераром. Ход рассуждений Жерара был следующий: способом познания химического тела является его взаимодействие, реакции с другими химическими телами; но в ходе такого взаимодействия исходное тело изменяется, становится иным; в зависимости от характера реакции меняется конечный продукт; таким образом, таких конечных продуктов может быть несколько; о строении исходного тела мы судим по результатам реакций; поскольку таких результатов несколько, то мы обязаны приписать исследуемому исходному химическому телу несколько формул, которые дополняют друг друга при полном описании объекта. Что же касается истинного строения химического тела, то оно — непознаваемо, так как представляет собой лишь сумму своих реакций. Пользуясь подходом Жерара, химики писали для уксусной кислоты три формулы, каждая из которых отражала один из типов превращения уксусной кислоты, а все вместе — дополняли друг друга. Эта концепция дополнительности в химии была преодолена, когда все «дополняющие» свой-

Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. стр. 42.

² Там же. стр. 42—43.

ства были выведены из единой, хотя и весьма противоречивой сущности — химического строения молекулы.

Трудность, на которую натолкнулась современная физика, в гносеологическом плане была отмечена и преодолена еще Гегелем. В «Феноменологии духа» он писал: «...Если познание есть орудие для овладения абсолютной сущностью, то сразу же бросается в глаза, что применение орудия к какой-нибудь вещи не оставляет ее в том виде, в каком она есть для себя, а, напротив, формирует и изменяет ее». В ходе познания «... мы пускаем в ход средство, которым непосредственно порождается то, что противоположно его цели; или нелепость заключается в том, что мы вообще пользуемся каким-либо средством. Правда, может казаться, будто этот недостаток устраним, если мы узнаем способ действия орудия, ибо такое значение дает нам возможность вычестить в итоге то, что в представлении, которое мы получаем об абсолютном при помощи орудия, принадлежит этому последнему, и таким образом получить истинное в чистом виде. Но эта поправка на деле лишь вернула бы нас к исходному положению»¹. Гегель усматривает в подобном взгляде на взаимоотношения объекта и средства познания не столько боязнь заблуждения, сколько боязнь истины.

Конечно, преодоление дуалистического подхода к сущности возможно не с помощью каких-то фокуснических фраз и заклинаний, а лишь на основе конкретного анализа конкретной ситуации, познания противоречия в его специфике, в результате прогресса науки, выхода за рамки кажущейся завершенности, замкнутости теории. Сознание этого имеется у многих естествоиспытателей. Так, биохимик Вюрмсер пишет: «Никоим образом не раз-

¹ Гегель. Феноменология духа. Соч., т. IV, стр. 41—42.

деляя утверждения сторонников обобщенного принципа дополнительности о том, что сложность биологических явлений исключает возможность их истолкования, мы надеемся, что когда-нибудь нам удастся объяснить их межмолекулярными силами»¹.

Итак, мы видели, что противоречие в своем развитии выступает в форме полярных противоположностей, которые не могут быть опосредствованны чем-то третьим и вместе с тем не являются дуалистической сущностью явления. Они необходимо выступают в форме языковой антиномии, противоположения. Эта антиномия может быть воспринята как момент диалектического познания, исходя из мысли Маркса, высказанной в «Капитале»: «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей»².

¹ Р. Вюрмсер. Альберт Сент-Дьердьи и современная биохимия. Сб. «Горизонты биохимии», стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 124.

Своего высшего накала, высшего напряжения противоречие достигает в антагонистическом столкновении противоположностей. Антагонизм присущ обществу, основанному на эксплуатации, на насилии, на непримиримой борьбе враждебных сил и классов. Он неизбежное порождение рокового конфликта общественных сил и тенденций, исключаящих друг друга, любыми методами, вплоть до самых крайних и насильственных, решающих вопрос: кто кого? «С самого начала цивилизации, — пишет Маркс, — производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»¹. Антагонистический характер буржуазного общества проявляется в духе конкуренции, борьбы всех против всех, взаимной подозрительности. В эпоху империализма и общего кризиса капитализма мы сталкиваемся с возрождением самых отвратительных, насильственных методов господства, с возвращением к принудительным, рабским формам труда, как это наблюдается в странах фашистской диктатуры. Пышным цветом расцветает дух нетерпимости, перед которым бледнеют изуверства средневековой инквизиции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 96.

Сожжение книг, расовые гонения, геноцид, печи Майда-нека, напалм в деревнях Вьетнама, чудовищное испепеление Хиросимы и Нагасаки — вот страшные приметы невиданного обострения антагонизмов в современном мире.

Как всякая категория, антагонистическое противоречие не остается раз и навсегда данным, равным себе. Оно имеет свою историю, проходит известные стадии развития. Пока буржуазия выступает совместно со всеми трудящимися в рамках третьего сословия против феодалов, до тех пор противоречия внутри самого третьего сословия проявляются в слабой форме, хотя корни антагонизма между буржуазией и пролетариатом возникают одновременно с зарождением третьего сословия. Но как только феодальные классы — дворянство и духовенство — свергнуты общими усилиями третьего сословия, так сейчас же проявляется резкий антагонизм между буржуазией и народом. Это наблюдалось и во Франции в эпоху буржуазной революции, и в России после февральской революции 1917 г. Отмеченный процесс протекает ныне в ряде стран Азии и Африки.

Степень развития противоречия — выступает ли оно в форме различия, противоположности или антагонизма — является объективной характеристикой явления; неправильная оценка характера противоречия приводит к серьезным ошибкам в практической деятельности. В истории общественной мысли приходится сталкиваться с добросовестными или злонамеренными попытками затушевать остроту подлинных антагонизмов, смягчить и примирить их. В широких народных массах могут длительно жить иллюзии относительно добросердечности и справедливости господствующих классов. В среде преданных трудящимся революционеров также могут быть распространены надежды на научную беспристрастность,

реализм или разумный эгоизм буржуазии, которая, поняв историческую тенденцию, сама уступит власть. С честностью и откровенностью подлинно пролетарского революционера Энгельс в 1892 году в предисловии к английскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» критиковал отдельные положения этой своей юношеской работы за уступки абстрактному гуманизму. Он писал: «Так, в книге придается особое значение тому тезису, что коммунизм является не только партийной доктриной рабочего класса, но теорией, стремящейся к освобождению всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно абсолютно бесплодно или даже хуже того... И сейчас есть такие люди, которые со своей «беспристрастной» высшей точки зрения проповедуют рабочим социализм, парящий высоко над их классовыми интересами и классовой борьбой и стремящийся примирить в высшей гуманности интересы обоих борющихся классов. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или злейшие враги рабочих, волки в овечьей шкуре»¹.

Идеологические волки в овечьей шкуре, защищающие ныне интересы классового господства буржуазии, пытаются затушевать антагонизмы капиталистического строя, говорят о его трансформации в «народный капитализм», об обществе «равных возможностей». Пожалуй, центральным пунктом их атаки является марксистский вывод об относительном и абсолютном ухудшении положения рабочего класса в странах капитала. Конечно, в условиях капитализма, особенно в развитых странах, материальное обеспечение ряда категорий рабочих может временами улучшаться. Это достигается многими, подчас весьма противоречивыми путями. С одной сторо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 24.

ны, буржуазия развитых стран стремится подкупить и развратить верхушку рабочего класса путем подачек за счет сверхприбылей, получаемых от эксплуатации колониальных, аграрных, зависимых стран. С другой стороны, длительная экономическая борьба рабочего класса за свои интересы приносит некоторые плоды. Наконец, буржуазия вынуждена постоянно считаться с притягательной для рабочих силой примера социалистических стран и делать известные уступки, чтобы отвлечь трудящихся от идей социализма.

Однако и в этих условиях улучшение материального положения отдельных групп рабочих сопровождается ухудшением положения других отрядов армии труда, как это наблюдается в США. Постоянная безработица продолжает оставаться неизбежным злом капитализма, она создает чувство необеспеченности у каждого трудящегося. Известный рост материального благополучия в отдельных странах происходит с параллельно идущим абсолютным обнищанием рабочих многих отсталых стран капитализма, как это имеет место в Латинской Америке. Наконец, апологеты капитализма не могут скрыть кричащего и нарастающего разрыва между миллиардными прибылями кучки монополистов и скромными доходами трудящихся.

Однако марксистское учение о капитализме не исчерпывается сопоставлением прибыли капиталиста и заработной платы рабочего. В «Критике Готской программы» Маркс писал: «...Система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего»¹. Трагедия современности состоит в том, что чем больше богатств создает рабочий, тем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 277.

больше он задавлен продуктами своего овеществленного труда, которые противостоят своему творцу и создателю как чуждая, враждебная ему сила. Это отчуждение достигло высшей степени остроты: старый капитализм грозил рабочему безработицей и голодом, современный государственно-монополистический капитализм, подкармливая рабочего, держит его под постоянной, ежеминутной угрозой физического уничтожения вместе с его семьей, детьми.

Реформистские лидеры рабочего класса, правые социалисты упорно пытались и пытаются затушевать классовые антагонизмы буржуазного общества, тем самым отвлечь массы от классовой борьбы, от задач социалистического преобразования общества. В этих условиях, как учил Ленин, необходимо принципиальное размежевание авангарда рабочего класса с ревизионизмом и другими оппортунистическими течениями, необходимо выявить действительное противоречие в открытой, обнаженной форме, сорвать попытки его примиренческого замазывания и тем самым помочь рабочему классу увидеть истинную расстановку сил. Разоблачая предательскую сущность каутскианцев и других центристских лидеров II Интернационала, В. И. Ленин писал: «Наша цель должна состоять только в том, чтобы окончательно столкнуть неисправимых реформистов, т. е. девять десятых вождей бернского Интернационала, в помойную яму прислужников буржуазии»¹.

Антагонистическое противоречие может быть решено насильственным путем. Поэтому в ходе классовой борьбы пролетариат должен овладевать всеми ее формами: легальными и нелегальными, парламентскими и внепарламентскими, мирными и военными, демократическими и диктаторскими. Трудящиеся социалистического лагеря,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 105.

противостоящие диктатуре международной буржуазии, находящиеся под постоянной угрозой нападения на свои страны со стороны оголтелой военщины американского империализма, могут выполнить свою историческую миссию, лишь непрерывно укрепляя свою оборону, развивая экономику и в первую очередь тяжелую индустрию, завоевывая ведущие позиции в сфере научно-технического прогресса, отстаивая единство своих рядов в международном масштабе, сплачивая вокруг себя широчайшие массы и демократические силы во всем мире. При этом необходимы готовность, способность и решимость сокрушить империализм насильственным путем, если он развяжет агрессию, насильственным путем противодействовать экспорту контрреволюции.

Вместе с тем коммунисты понимают все губительные последствия мировой термоядерной войны в первую очередь для трудящихся. Коммунисты являются наследниками, а не могильщиками мировой цивилизации. Поэтому, добиваясь своей исторической цели — ликвидации системы эксплуатации и установления на всей планете социалистических отношений, ведя непримиримую борьбу с капитализмом в области экономики, политики и идеологии, коммунисты стремятся избавить человечество от ужасов мировой атомной бойни.

Разрешение антагонистического противоречия не предполагает лишь один единственный путь — путь насилия. Маркс не отвергал возможности мирного выкупа у буржуазии ее власти. Ленин в свое время подчеркивал историческое значение примера венгерской революции 1919 года, когда венгерская буржуазия в условиях национального кризиса вынуждена была признать свою неспособность руководить страной и добровольно передала власть в руки партии пролетариата. Совершенно очевидно, что вероятность мирного перехода от капита-

лизма к социализму, при наличии соответствующих внутренних условий в данной стране, пропорциональна силе и сплоченности международного пролетариата и всех трудящихся, мощи и степени единства социалистических стран, пропорциональна росту авторитета и притягательной силы социализма во всем мире.

Необходимо также отметить другой ошибочный подход к проблеме антагонизма, когда противоречию субъективистски придается антагонистический характер вопреки его объективному содержанию. Ликвидация частной собственности и капиталистической эксплуатации, являющихся основой всяческих антагонизмов, приводит в условиях социализма к устранению почвы для общественных антагонизмов. Критикуя взгляды Бухарина, В. И. Ленин писал: «Антагонизм и противоречия совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»¹. Совершенно очевидно, что антагонизмы не исчезают на другой день после социалистического переворота, поскольку для формирования социалистических отношений, для ликвидации остатков и психологии капиталистических отношений требуется длительное время. Тем внимательнее должен быть в этих условиях анализ действительных противоречий, который позволяет избежать как замазывания их, так и их субъективистского заострения.

В начальный период социалистического строительства в нашей стране существовало противоречие между пролетариатом, с одной стороны, и массой раздробленных единоличных крестьян, — с другой. Поскольку крестьянство не было единым классом, а имело в своем составе как бедняков, так и середняков, а также кулац-

¹ Ленинский сборник XI, стр. 357.

кую прослойку, то от партии рабочего класса требовался глубоко дифференцированный подход к этому противоречию. Противоречие между пролетариатом и средним крестьянством не носило антагонистического характера, поскольку по своей природе средний крестьянин был не только собственником, но и тружеником. Поэтому, опираясь на беднейшее крестьянство, пролетариат крепил союз со средним крестьянином, ограничивая его собственнические поползновения, создавая материальные и политические предпосылки для организации коллективных хозяйств. Что касается кулачества, то противоречие между ним и пролетариатом, а также беднейшим крестьянством носило антагонистический характер; оно было разрешено политикой ограничения, вытеснения и, наконец, ликвидации этого последнего эксплуататорского класса. Правые уклонисты закрывали глаза на антагонистический характер этого противоречия и выдвинули ошибочный тезис о возможности вставания кулака в социализм. Антиленинский курс троцкистов исходил из предпосылки, что противоречие между пролетариатом и крестьянством в целом имеет антагонистический характер; это вело к авантюристической политике сверхиндустриализации, разорения среднего крестьянства, к подрыву ленинского союза рабочих и крестьян. Основываясь на марксистско-ленинском анализе противоречий эпохи, партии удалось повести за собой крестьянство по пути социалистического строительства.

В условиях капитализма существует антагонистическое противоречие между работниками умственного и физического труда. При господстве социалистических отношений указанный антагонизм не может быть. Тем более отвратительными и вредными являются отдельные махаевские попытки натравить людей с отсталыми настроями на интеллигенцию. Явления подобного рода

пышным цветом расцвели в Китае в ходе так называемой пролетарской культурной революции.

В условиях победы социализма отдельные граждане могут поставить себя в антагонистические отношения к обществу. Это — спекулянты, взяточники, хапуги, тунеядцы, бандиты, хулиганы, отражающие влияния и пережитки классово чуждых нам отношений и психологии частной собственности. В этом случае, наряду с методами воспитания и общественного воздействия, социалистическому государству приходится применять и насилие, самое беспощадное и решительное.

Иногда можно услышать мнение, будто из признания противоречий социалистического общества неизбежно следует и вывод о наличии антагонизмов. В основе такого взгляда лежит ошибочное отождествление полярности и антагонизма. Развитие социалистического общества имеет в своей основе движение противоречия и тем самым должно характеризоваться наличием противоположных, полярных определений. Мы говорим о материальной заинтересованности и моральных стимулах труда, о соотношении товарно-денежных и плановых форм регулирования общественного производства, о централизации или децентрализации тех или иных форм управления, о взаимоотношениях начальника и подчиненного, о правах и обязанностях граждан, т. е. широко используем полярные характеристики для оценки и анализа общественных явлений, которым чужд антагонизм ввиду социалистической природы нашего общества, отсутствия в нем эксплуататорских классов. Мы сталкиваемся с полярными интересами продавца и покупателя на колхозном рынке, отнюдь не наблюдая у них антагонистических тенденций к взаимному истреблению или уничтожению. Полярные позиции занимают многие наши ученые по вопросам теории наследственности, происхождения нефти, приро-

ды элементарных частиц; и возникающие здесь порой личные антагонизмы выглядят как уродства, как чуждые природе социалистического человека явления, подлежащие преодолению. А разве нет поллярности в одновременном стремлении человека к освоению космоса и морских глубин? Надо полагать, что достижения технического прогресса в обоих направлениях будут лишь дополнять друг друга.

Диалектический материализм требует тщательного анализа противоречий развития социалистического общества, чтобы они сознательно использовались в практической работе, чтобы невежество, оплошность или умысел не создавали условий для малейших субъективных заострений.

Глава 4. СИСТЕМА ПРОТИВОРЕЧИЙ. ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

При рассмотрении всякого объекта нетрудно заметить, что он не представляет собой воплощения какого-то одного, единственного противоречия. Совершенно очевидно, что любое явление может быть рассмотрено с точки зрения наиболее общих категорий диалектической логики: формы и содержания, явления и сущности, части и целого, количества и качества, внутреннего и внешнего и других. Использование этих категорий является необходимым условием диалектического рассмотрения данного явления. Указанные категории имеют всеобщий характер, они предельно широки и в равной степени относятся ко всем объектам.

Вместе с тем при исследовании конкретного объекта мы сталкиваемся с системой специфичных, присущих ему противоречий. Эти противоречия являются результатом и следствием исторического развития объекта, они как бы накапливаются по мере его усложнения. На заре товарного производства трудно было отыскать противоречия банковского кредита или межнациональных объединений монополистов, вроде «общего рынка».

Чтобы вспыхнуть огнем жизни, прийти в органическое самодвижение, естественный природный процесс соединяет в одном теле противоположности, выступающие первоначально в разорванном виде. Неорганическая природа знает порознь существующие кислоту и основа-

ние; эволюция материи объединяет эти две противоположных формы в аминокислоту, где стороны противоположности сведены воедино. В неорганической природе химическим элементам свойственно находиться в крайних состояниях окисления и восстановления; в органической молекуле одновременно и рядом присутствуют атомы углерода, находящиеся в противоположных состояниях окисления, что делает молекулу принципиально неустойчивой. Для неорганической природы характерна внешняя противоположность молекулярного (гидросфера, атмосфера) и ионного (литосфера) строения тел; органическая молекула объединяет оба эти принципа. Космическая внешняя противоположность между центральным светилом, непрерывно излучающим поток активной энергии, и холодной планетой, способствующей рассеянию и деградации этой энергии в результате возрастания энтропии, связывается зерном хлорофилла во внутренне противоречивый процесс, в ходе которого, при сохранении законов термодинамики, происходит уменьшение энтропии в определенном участке Вселенной, растет упорядоченность.

Объединение первоначально разорванных внешних противоположностей, их превращение во внутреннее единство заставляет вспомнить предостережение Гегеля: «Как при рассмотрении природы, так и при рассмотрении духовного мира очень важно надлежащим образом понять характер отношения внутреннего и внешнего и остерегаться ошибки, будто лишь первое есть существенное, что только оно, собственно говоря, имеет значение, а последнее, напротив, есть несущественное и безразличное»¹.

Поскольку объект есть конкретное единство многих

¹ Гегель. Логика. Соч., т. 1, стр. 234.

противоречий, то следует признать, что специфика внешнего воздействия может адресоваться одному из них. Современная наука рассматривает систему структурных уровней организации материи, с этой точки зрения каждое тело имеет свой высший и ряд низших структурных уровней, каждому из которых свойственна своя форма движения, свое противоречие. Так, для живой клетки можно отметить следующие структурные уровни:

1) уровень элементарных частиц с противоположностями заряда, спина, симметрии, с противоречивыми процессами взаимного превращения частиц;

2) атомный уровень, характеризующийся противоречиями различных состояний атомов (характер ионизации, степень поляризации, изменение состояния внутренних электронных оболочек под влиянием соседних атомов и др.);

3) молекулярный уровень, характеризующийся противоречивыми процессами соединения и диссоциации химических связей, перегруппировок, окисления-восстановления, сохранения и распада радикалов;

4) макромолекулярный уровень, в котором возникают противоречия пространственных форм частиц: цепочки и спирали, глобулы и волокна;

5) межмолекулярный уровень с противоречивым взаимодействием макромолекул (белок — нуклеиновая кислота, кофермент — апофермент, антиген — антитело);

6) мицеллярный уровень организации с противоречиями структуры и функции, проявляющимися, в частности, в механохимических трансформациях энергии;

7) противоречия между частями клетки на уровне органелл (ядро — цитоплазма, рибосомы, митохондрии).

Клетка входит в систему ткани и органа, что связано

с участием ее в противоречиях более высоких уровней организации материи.

Каждое из противоречий определенного уровня организации сложного тела характеризуется, во-первых, известной самостоятельностью, замкнутостью. События, разыгрывающиеся на определенном уровне, имеют свою качественную специфику, они совершаются в строгом соответствии с законами той формы движения материи, которые характеризуют данный уровень в живой ли клетке, в камне или на спутнике Сириуса. Изменения, совершающиеся на данном уровне, до определенного момента не сказываются на других. Нам, например, не портит настроения ежесекундный распад нескольких атомов в нашем организме под воздействием непрерывного потока космических лучей, сопровождающийся противоречивыми и даже катастрофическими процессами на ядерном уровне. Это связано с тем, что последствия такого процесса, как правило, затухают на атомно-молекулярном уровне.

Но необходимо всегда иметь в виду и противоположную характеристику процессов, совершающихся на данном уровне: их распространение на другие уровни организации материи. Противоречие выходит за свои рамки, приводит в движение качественно иные, хотя и взаимосвязанные противоречивые процессы. При этом процесс, возникший и совершающийся на данном уровне, может воздействовать как на высшие, так и на нижележащие структурно-динамические формы организации материи с их специфическими противоречиями.

Возвратимся к только что приведенному примеру. Если интенсивность радиации внезапно возрастет, то единичные и затухающие на атомно-молекулярном уровне процессы распада атомов в организме шаг за шагом изменят всю систему более высоких противоречий живо-

го тела, приведут к нарушению обмена веществ, взаимодействия тканей, органов, выключат человека из нормальных общественных связей (труда, семьи), он станет больным.

Движение по системе противоречивых ступеней может совершаться и в обратном направлении. Тяжелое известие, связанное с противоречиями общественного положения данного человека, приводит к нарушению процессов возбуждения и торможения в нервной системе и, как результат, — к спазму сосудов, рожденному нарушением взаимодействия сосудорасширяющих и сосудосуживающих механизмов; в итоге — инфаркт, на который организм реагирует изменением химического состава крови уже на молекулярном уровне.

В качестве примеров мы взяли два патологических случая. В норме движения противоречивых импульсов «вверх» и «вниз» по системе структурных уровней совершаются в организме непрерывно и незаметно для нас. Эти противоречия выступают, как говорят, в «снятом» виде: они действуют, определяют свои процессы, но не являются ведущими для объекта в целом, хотя и необходимы.

В общественных явлениях мы также всегда сталкиваемся не с каким-либо одним противоречием, а с их системой. Среди этих противоречий также необходимо различать общие и специфические, длительные и кратковременные, отживающие и нарождающиеся и т. п. Так, в нашем обществе существуют противоречия между производительными силами и производственными отношениями, производством и потреблением, плановой системой хозяйства и товарно-денежными отношениями, общегосударственными и местными интересами. Внутри таких широких противоречий следует видеть особенные. Например, плану как субъективному выражению требо-

ваний объективной экономической необходимости присущи противоречия объективного и субъективного, поскольку наше познание должно стремиться, но не может абсолютно точно отразить все особенности непрерывно изменяющейся обстановки производства, распределения, обращения. Товарно-денежным отношениям присущи свои противоречия. Наличие непрерывно изменяющейся системы противоречий делает не простым управление социалистическим хозяйством, требует от граждан общества глубокого научного анализа общественных явлений, проникновения в их суть.

Чтобы не запутаться в противоречиях общественной жизни, чтобы найти правильную практическую линию, следует на каждом данном историческом этапе видеть основное, главное, решающее противоречие. Основное противоречие выражает сущность, качественную определенность и специфику объекта и тем самым определяет направление его развития. В познании, восходя от основного противоречия, можно воспроизвести все коренные, характерные черты и особенности данного предмета или явления. От разрешения основного противоречия в первую очередь зависит дальнейший путь развития объекта и, в частности, разрешение других противоречий, порожденных основным или ему сопутствующих.

История коммунистического движения, борьбы за социализм дает много образцов того, насколько важно правильно определить основное, главное противоречие эпохи. Маркс, Энгельс и Ленин показали, что основным, движущим противоречием в классово-антагонистическом обществе всегда является противоречие классовой борьбы. Поэтому они требовали классового подхода ко всем общественным явлениям. Такой подход позволяет определить место других общественных противоречий и найти практические пути их разрешения. Замечательным

образцом этого является ленинское решение крестьянского, национального вопросов с точки зрения основного противоречия между пролетариатом и буржуазией. Основным противоречием современной эпохи как эпохи переходной от капитализма к социализму выступает противоречие между гибнущей капиталистической общественно-экономической формацией и утверждающей себя коммунистической формацией. Все события нашего времени должны рассматриваться с точки зрения этого противоречия.

При рассмотрении основного противоречия необходимо избегать двух ошибок: с одной стороны, превращения его в абсолюта, с другой — его смазывания, подмены другими противоречиями.

Основное противоречие эпохи видоизменяется в соответствии с изменением исторической обстановки. До Октябрьской революции оно сводилось к внутреннему противоречию капитализма — между буржуазией и пролетариатом. После Октября оно превратилось в противоречие Советского Союза с капиталистическим миром, после второй мировой войны оно трансформировалось в противоречие двух мировых систем: социалистической и капиталистической.

Политики, которые не замечают такого развития основного противоречия, могут допустить тяжелые ошибки. Так случилось с «левыми» коммунистами в 1918 году, которые не поняли изменения характера основного противоречия эпохи после октября 1917 года и договаривались до возможности утраты Советской власти в нашей стране.

Неумение понять основное противоречие приводит к попыткам подмены его другими. Рабочему движению приходится развиваться в борьбе с такими попытками, особенно в борьбе против подмены классовых противоре-

чий национальными, что нарушает единый фронт трудящихся, облегчает позицию буржуазии. В этой связи всегда важно помнить слова Ленина: «Пусть буржуазия затекает презренную жалкую грязь и торг из-за границ, рабочие же всех стран и всех наций не разойдутся на этой гнусной почве»¹.

Основное, главное противоречие эпохи может, вместе с тем, не совпадать с решающим фронтом борьбы. После победы социалистической революции в России основное противоречие между пролетариатом и буржуазией сохранило все свое определяющее значение, главная же борьба развертывалась вокруг крестьянства. И пролетариат и буржуазия пытались привлечь крестьянство на свою сторону как массовую силу, учитывая его противоречивое положение как собственника и трудящегося. В этой борьбе восторжествовала ленинская линия на союз пролетариата с крестьянством, что и определило решающую победу над буржуазией в годы гражданской войны и в период строительства социализма.

С первого же дня победы Советской власти возникло противоречие между молодой Советской республикой и международной буржуазией, которая была несравненно сильнее только что родившегося социалистического государства. Задача партии пролетариата заключалась в этих условиях в том, чтобы не превратить указанное противоречие в основной фронт борьбы всех капиталистических государств против Советской России. Внутренние противоречия капитализма способствовали решению этой сложной задачи. Как писал Ленин, «благодаря этим противоречиям вышло так, что общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естествен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 115.

ный и неизбежный для защиты капитала, не знающего отечества и доказавшего многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся, — этот союз не является движущей силой политики»¹. Итак, признание основного противоречия не исключает использования внутренних антагонизмов империалистического лагеря. Срыв попытки нацистов создать единый антисоветский фронт, образование мощной антигитлеровской коалиции, включающей и СССР и капиталистические страны, тем самым раскол фронта империализма — были важнейшей победой ленинской партии в борьбе против фашизма, за торжество социализма в годы Великой Отечественной войны.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 328—329.

Глава 5. ВЗАИМНОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Как мы уже упоминали, признание различий и противоположностей в природе и обществе еще не содержит в себе диалектического подхода, а является фактом обычного сознания, результатом деятельности скорее рассудка, чем разума. В «Философских тетрадах» Ленин записал следующую важную мысль: «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не *переход* от одного к другому, а это самое важное»¹. И далее: «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (regsam) и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией* *самодвижения и жизненности*»².

Итак, диалектика рассматривает противоположности не как мертвые и застывшие, а как взаимно проникающие, способные превращаться друг в друга, столь же различные, сколь и тождественные, живые, подвижные, условные. Такое понимание противоположностей представляет немалую сложность. Дело в том, что если рассматривать проникновение противоположностей, их тождественность субъективно, то все становится «едино суть», мышление сползает к софистике и эклектике, деятельность — к беспринципному утилитаризму и прагматизму, политика — к цинизму. Взаимное превращение, переход противоположностей друг в друга должны быть взяты объективно. Важнейшее значение для борьбы про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 128.

² Там же.

тив подмены диалектики субъективизмом и эклектикой имеет мысль Ленина: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹.

Замечательным и поучительным образцом анализа того, как взаимно проникают друг в друга, соотносятся и движутся противоположности, является рассматриваемый в ранних работах Маркса процесс движения частной собственности. В экономическо-философских рукописях 1844 года молодой Маркс писал: «Отношение **частной собственности** — это труд, капитал и их взаимоотношение.

Движение, которое должны проделать члены этого отношения, таково:

Во-первых — непосредственное или опосредствованное единство обоих.

Вначале труд и капитал еще объединены; затем они хотя и разъединены и отчуждены, но обоюдно поднимают и стимулируют друг друга как **положительные условия**². Труд и капитал непосредственно объединены и слиты в простом товарном производстве, они объединены также и в развитом капиталистическом производстве, поскольку составляют его необходимые моменты. Разъединение и отчуждение, которого они здесь достигают, еще способствуют общему движению производства: экономическая борьба рабочего класса заставляет капиталиста улучшать организацию производства, применять новую технологию, автоматизацию; с другой стороны, гнет усиливающейся эксплуатации, внедрение новой тех-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 579.

ники приводит к тому, что интенсивность, производительность труда рабочих, их мастерство повышается. В результате растет общественное богатство в целом, раскрываются, разворачиваются сущностные силы человека.

Вместе с тем описываемое Марксом движение капитала и труда в рамках частной собственности включает другой необходимый момент: **«противоположность обоих по отношению друг к другу»**: они исключают друг друга; рабочий видит в капиталисте свое собственное небытие; каждый из них стремится отнять у другого его существование»¹. Эта сторона противоречия отражается в упорной борьбе рабочих за лучшие условия труда, за сокращение рабочего дня, спасение детей и женщин от губительных условий эксплуатации, в наивных, но неизбежных выступлениях против техники (движение луддитов — разрушителей машин), наконец, в политической борьбе против буржуазии и ее государственного аппарата. Со своей стороны капитал не гнушается никакими средствами для подавления рабочего движения, усиления гнета и эксплуатации.

Третий момент, который отмечает Маркс в движении капитала и труда, это **«противоположность каждого по отношению к самому себе»**². В самом деле, капитал, имеющий форму накопленного труда, выступает как труд, т. е. как своя собственная противоположность. В этом своем качестве он распадается на самого себя и на проценты. Возникает иллюзия, будто капиталист получает законную прибыль за свой собственный труд, будто он, не щадя живота своего, приносит себя в жертву обществу, трудится во имя всеобщего блага и, в частности, жертвует собой в форме заработной платы рабочим, поддерживая из чистого альтруизма их существо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 579.

² Там же.

вание, авансирует их, предоставляет работу. Эта иллюзия подкрепляется тем, что в ходе конкурентной борьбы некоторая часть капиталистов разоряется и пополняет армию пролетариата. Вместе с тем отдельные представители буржуазии, убедившись в неизбежности замены капитализма более высоким общественным строем, сознательно покидают позицию своего класса и переходят на позицию пролетариата.

С другой стороны, «труд распадается на **самого себя и заработную плату**. Сам рабочий есть капитал, товар»¹. Как таковой, он носит на себе черты товарного, капиталистического производства, которое порождает в среде пролетариата жестокую конкурентную борьбу, штрейкбрехерство, подчинение политике буржуазии. С большой суровостью осуждал В. И. Ленин тех рабочих, которые предают свои классовые интересы, превращают себя в орудие буржуазии. В 1919 году, оценивая ситуацию, сложившуюся в Германии после ноябрьской революции, Ленин писал: «Пока немецкие рабочие терпят у власти таких же предателей социализма, негодяев и лакеев буржуазии Шейдеманов и всю их партию, до тех пор о спасении немецкого народа не может быть и речи. До тех пор немецкий народ остается на деле — при всех «социалистических» фразеях, при всяческих «демократических» и «республиканских» украшениях — рабом буржуазии и **соучастником** ее преступлений...»². Эта характеристика сохранила свою актуальность в годы гитлеризма, она применима к тем развращенным буржуазией слоям американских рабочих, которые готовы предать свои классовые интересы, интересы международного пролетариата, одобряют кровавую агрессию своих пра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 580.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 379—380.

вителей во имя благ, создаваемых высокой военной экономической конъюнктурой.

Однако эти и подобные факты взаимного проникновения противоположностей не могут и не должны скрыть, затушевывать основное, главное, чем завершает Маркс цепь своих рассуждений. Основное же во взаимоотношениях труда и капитала — «враждебная взаимная противоположность»¹. Враждебность взаимной противоположности труда и капитала выступает в форме непрекращающихся классовых битв, непрерывной экономической, политической и идеологической борьбы, революций и контрреволюций; поскольку для сохранения господства буржуазия организует свою диктатуру в международном масштабе, то и диктатура пролетариата может и должна носить международный характер. При этом формы такой диктатуры в различных странах победившего пролетариата, в зависимости от исторических условий, уровня экономического развития, политических традиций, могут быть различными.

В ходе революционной борьбы рабочий класс не только свергает буржуазию, но и постепенно избавляется от буржуазных влияний: «Начав коммунистическую революцию, — писал Ленин, — рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих»². Однако в процессе социалистических преобразований, борьбы со старыми, отжившими традициями прошлого формируется человек нового, коммунистического будущего. Это формирование может совершаться лишь в непрерывной, неустанной, принципиальной борь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 580.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 36, стр. 364.

бе против влияния буржуазной идеологии, которая устремляется в социалистическое общество по многим каналам.

Подлинно диалектическое развитие и движение понятий вскрыто Марксом в «Капитале» при анализе отношений товарного производства: «Процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги, внешнюю противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновая стоимость. Вместе с тем и та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение»¹, относительная и эквивалентная формы стоимости полярно исключают друг друга, поскольку один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы, и тем не менее они являются соотносительными, взаимно друг друга обуславливающими, нераздельными моментами процесса обмена.

Возведение противоположностей в абсолют, игнорирование их единства и взаимного проникновения создает известные сложности для понимания основного вопроса философии. Материализм настаивает на первичности материи и вторичности сознания, однако *диалектический материализм* не исчерпывается этим утверждением. Как подчеркивал В. И. Ленин, «конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах **очень ограниченной области**: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 114—115.

ческого вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹. Настаивание на абсолютной противоположности материи и сознания приводит к дуализму, который рассматривает природу как изначально двойственную сущность. Тем самым ликвидируется всякая возможность познания путей возникновения, становления и развития духа. Познавательная деятельность самого сознания становится непостижимой, поскольку она в действительности основывается как на различии, так и на тождестве материи и духа².

В истории общественной жизни нередко приходится встречаться с превращением явлений в свою противоположность. Идеология рабов и всех угнетенных древнего Рима — христианство — стала идеологией господствующих, эксплуататорских классов. Революционная диалектика в трудах Гегеля в результате ошибочности его исходной идеалистической концепции превратилась в подбострастную апологетику государственного устройства реакционной Пруссии. Возникший в эпоху Возрождения идеал всесторонне развитой личности в условиях позднего буржуазного общества переродился в зоологический индивидуализм.

Энгельс в свое время отметил, что гуманизм XV—XVI веков вырожден позже в католический иезуитизм, а буржуазное просвещение XVIII века — в иезуитизм более поздней буржуазной дипломатии. Как отмечает Энгельс, «это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 151.

² См.: Э. В. Ильенков. Идеальное. Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, стр. 219.

участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели. «Ирония истории» неумолимо вносит здесь свои поправки»¹. Ненаучный, недиалектический подход к общественным явлениям влечет за собой превращение различных определений и сущностей в свою противоположность, и не только в далекой истории, но и в настоящее время. Именно так смелость превращается в безрассудство, осторожность — в трусость, бдительность — в подозрительность, принципиальность — в лицемерие, беспощадность к врагу — в жестокость к товарищам. Незнание диалектики мстит за себя. Превращение в противоположность, взятое субъективно, становится мостиком к софистике. В годы первой мировой войны Ленину пришлось критиковать ошибки германских социал-демократов, которые отвергали возможность национальных войн в эпоху империализма. В работе «О брошюре Юниуса» Ленин писал: «Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все границы в природе и обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую и *обратно*... Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 21—22.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5—6.

В науках о природе долгое время господствовал метафизический метод, представлявший естественные тела в виде разорванных, противоположных сущностей. Бурное развитие естествознания за последние 200 лет существенно изменило картину. Ныне идея взаимного проникновения противоположностей все шире пробивает себе дорогу в научном методе естествоиспытателей. Абстрактная противоположность анализа синтезу подорвана в современной органической химии, для которой синтез стал важнейшим методом анализа молекулярных структур. Резкое противопоставление дискретности и непрерывности постепенно преодолевается во всех науках и, в частности, в физике. Наши современные знания в области биохимии отбрасывают абсолютное противоположение ассимиляции — диссимиляции. Трудное противоречие части и целого разрешается на путях диалектического мышления, о чем, в частности, свидетельствует следующее высказывание известного биохимика А. Сент-Дьердьи: «Одним из основных принципов жизни является «организация»; мы понимаем под этим, что при объединении двух вещей рождается нечто новое, качества которого неаддитивны и не могут быть выражены через качества составляющих его компонент. Это относится ко всей гамме форм организации, к объединению электронов и ядер, образующих атом, к соединению атомов в молекулы, аминокислот в пептиды, пептидов в белки, белков и нуклеиновых кислот в нуклеопротейды и т. д.»¹.

В ходе изучения высшей нервной деятельности животных И. Павлов все более склонялся к мнению о единстве ее основных и противоположных процессов — возбуждения и торможения. Своим сотрудникам он говорил:

¹ А. Сент-Дьердьи. Введение в субмолекулярную биологию. Изд-во «Наука», 1964, стр. 22.

«Все наши факты относятся к законам, которые намечают отношение между раздражительным и тормозным процессами. Тут, конечно, можно думать о пределе деятельности, когда крайнее напряжение одного процесса переходит в свою противоположность»¹. Взаимное действие этих процессов друг на друга, их нераздельность рассматривались Павловым как основной принцип методологии условных рефлексов. В своих трудах он выдвигал вопрос: не являются ли тормозной и раздражительный процессы лишь сторонами единого нервного механизма?

Прекрасный знаток живого, его специфики и своеобразия, И. Мичурин сделал следующее интересное наблюдение: «Каждому оригинатору все надземные части растения гибрида представляют поле борьбы между собой отдельных свойств растений-производителей и их ближайших родичей»². Изящный пример взаимного перехода противоположностей можно найти в работе биохимика А. Рича, посвященной молекулярной структуре нуклеиновых кислот. Он пишет: «Возможно, что одинарная спираль не может быть устойчивой конфигурацией молекулы полиэлектролита вследствие электростатического отталкивания. В двойной или тройной спирали молекулярные цепи перевиты между собой и поэтому в результате электростатического отталкивания прижимаются друг к другу»³. Итак, отталкивание внутри молекулы порождает притяжение между макромолекулами — чудесный пример диалектики в естествознании.

Очень трудно преодолевался в науке разрыв между временем и пространством, рассматриваемыми как про-

¹ «Павловские среды», т. III. М., изд-во АН СССР, 1949, стр. 37.

² И. В. Мичурин. Соч., т. IV. Сельхозгиз, 1948, стр. 140.

³ А. Рич. Молекулярная структура нуклеиновых кислот. Современные проблемы биофизики, т. 1. М., 1961, стр. 254.

тивоположности. Необходимо подчеркнуть, что как современная атомистика видит истоки своих воззрений в трудах философов древности — Демокрита и Эпикура, так и новейшее представление о единстве пространства и времени имеет своим предшественником философию Гегеля, что не только не колеблет авторитет Эйнштейна, но делает еще более ярким величие его научного подвига. В своем труде «Философия природы» Гегель подверг критике господствовавшее в его время представление о пространстве и времени, установившееся еще с Ньютона. Гегель писал: «Обычно рассматривают пространство и время как пустые, безразличные к тому, что их наполняет»¹. «В представлении пространство и время совершенно отделены друг от друга, в представлении нам кажется, что существует пространство и кроме того также и время. Против этого «также» восстает философия»². Гегель настаивает на признании непосредственного единства пространства и времени. Вспомним по этому поводу, что говорит один из творцов теории относительности Минковский: «Отныне пространство само по себе и время само по себе должны обратиться в тени и лишь некоторый вид соединения обоих должен еще сохранить самостоятельность»³. Эта мысль лежит в основе специальной теории относительности.

Следует упомянуть, что труднейший вопрос современной физической картины мира о конечности и бесконечности пространства и времени находит обильный и интересный материал в диалектике Гегеля⁴. Наука все

¹ Гегель. Философия природы. Соч., т. II, стр. 57.

² Там же, стр. 49.

³ Лоренц. Пуанкаре. Эйнштейн. Минковский. Принцип относительности. ОНТИ, 1935, стр. 181.

⁴ См.: Б. Г. Кузнецов. Этюды об Эйнштейне. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 194.

глубже и полнее преодолевает разорванность противоположностей и различий, фиксированных в познании.

Процесс проникновения диалектического метода в естествознание значительно ускорился бы и прошел с меньшими трудностями, если бы естествоиспытатели полнее восприняли, изучили и сознательно применяли в своих исследованиях диалектику как науку.

Важнейшим моментом в понимании взаимного проникновения противоположностей является та мысль, что каждая сторона противоречивого единства содержит в себе свою собственную противоположность, т. е. заключает в себе свое другое; всякая попытка жестко фиксировать, удержать в объекте одно определение непременно приводит к тому, что в руках у нас оказывается противоположное.

Обмен веществ в организме совершается через противоположные процессы ассимиляции и диссимиляции. Ассимиляция сводится к уподоблению поступающих в организм химических соединений его собственным структурам. Так, например, поступающий в организм с пищей белок протеолитическими ферментами расщепляется до аминокислот, из которых ткани вновь строят белковые молекулы, но уже своей собственной природы. В ходе такого синтеза необходимым образом происходит распад, диссимиляция ферментов, молекул организма, служащих источниками энергии, и т. п. Таким образом, ассимиляция есть в то же время и диссимиляция. Аналогичная картина возникает, если мы станем рассматривать процесс диссимиляции.

Подход к противоречию лишь тогда приобретает подлинно диалектический характер, когда он не ограничивается признанием противоречия, констатацией наличия и взаимного проникновения противоположностей, но «снимает» их, разрешает противоречие в ходе развития.

Глава 6. ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Центральной проблемой диалектики является вопрос о разрешении противоречия. Немецкая идеалистическая философия в лице Канта констатировала наличие вездесущих и всепроникающих антиномий и в бессилии остановилась перед ними, принципиально отвергая возможность их разрешения. Гегель предпринял грандиозную попытку преодолеть эту трудность и представить весь мир как результат процесса возникновения и разрешения противоречий. Однако попытка Гегеля не могла иметь успеха, поскольку единственным деятельным началом в природе и обществе он считал идею, абсолютный дух. Отсюда мистический характер диалектики Гегеля, в которой субъектом движения становится некое безликое сознание, развертывающее себя в логике, природе, истории человечества. При этом последовательно обнаруживаются противоречия внутри этих явлений. Поскольку идеалистическая концепция Гегеля не рассматривает реального процесса развития в природе и обществе, не исходит из конкретной предметной деятельности людей, разрешение противоречий у него принимает крайне искусственный характер.

Метафизический материализм по-существу отказывается от проблемы разрешения противоречия, переадресовывая ее логикам или же надеясь перешагнуть через

любое противоречие с помощью узко понимаемой практики.

Только марксизм дал научный подход к проблеме разрешения противоречия. Опираясь на исторический опыт производственной деятельности людей, на данные естествознания и техники, истории и социологии, марксизм показал, что разрешение противоречия возможно лишь в ходе действительного развития объекта, в ходе конкретной преобразующей деятельности людей. И если в природе разрешение противоречий совершается стихийно, то в человеческом обществе преодоление их становится задачей и целью сознательной деятельности людей в той мере, в какой они познают условия своего существования и практически овладевают ими.

Внутреннее беспокойство противоречия, непрерывная борьба внутри него противоположных сил и тенденций являются основой всякого развития, движения вперед. Только на этом пути в природе и обществе нарождается новое. Но это новое не падает с неба; оно имеет в качестве своей основы исходное явление, поэтому можно сказать, что разрешение противоречия есть превращение предмета или понятия в свое другое.

В этом определении содержатся два момента: во-первых, удержание достигнутого этапа, преемственность по отношению к нему и, во-вторых, его преодоление. Единство этих двух моментов составляет диалектическое отрицание, которое Энгельс характеризует следующим образом: «Конечно, существует и плохое, бесплодное отрицание.— Истинное — естественное, историческое и диалектическое — отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) видужщее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории, отчасти, в мышлении вполне) на основе приобретенного опыта вновь дости-

гается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени»¹. Ленин в «Философских тетрадах» следующим образом развивает эту же мысль: «Не го-
лое отрицание, не зряшное отрицание, **не скептическое**
отрицание, колебание, сомнение характерно и суще-
ственно в диалектике,—которая, несомненно, содержит
в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой
элемент,—нет, а отрицание, как момент связи, как мо-
мент развития, с удержанием положительного, т. е. без
всяких колебаний, без всякой эклектики»².

Природные, общественные явления дают немало при-
меров такого диалектического отрицания. Маркс пока-
зал, что, развиваясь этим путем, простое товарное про-
изводство превращается в капиталистическое. Каждая
сделка капиталиста с рабочим совершается на основе
законов товарного производства, т. е. как обмен эквива-
лентов. Однако такая сделка является куплей-продажей
лишь по форме, а по своему содержанию она представ-
ляет присвоение капиталистом рабочей силы без экви-
валента.

Законы товарного производства порождают свобод-
ную конкуренцию товаропроизводителей, однако конку-
ренция в полном соответствии с этими законами и с же-
лезной необходимостью превращается в свою противопо-
ложность — в монополию.

Основной чертой химической формы движения яв-
ляется превращение, изменение исходной молекулярной
структуры, отрицание исходной системы. В живой клет-
ке в результате одновременного и параллельного проте-
кания сопряженных химических реакций в конечном ито-
ге система себя воспроизводит. Таким образом, химиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 640—641.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.

ские законы, полностью сохраняясь в функционирующей живой системе, превращаются в свою противоположность.

Сочетание отрицания и преемственности в развитии научной теории тонко подметил А. М. Бутлеров. В работе «Основные понятия химии» он писал: «Бросаясь из одной крайности в другую, нередко спешат засудить и совершенно оставить устаревшую теорию, но опыт веков показывает, что как ни далека теория от абсолютной истины, но нередко она все же остается пригодной в известном смысле и, отживая, входит в виде более или менее измененном как часть в состав новой теории, более обширной»¹. Такое развитие теории крайне характерно для современной физики. Так, теория относительности содержит в себе как предельный случай законы механики Ньютона, когда движение совершается относительно медленно и релятивистскими эффектами можно пренебречь.

Момент возврата к исходному в процессе диалектического развития выступает как отрицание отрицания. Действие этого закона диалектики в сфере общественных отношений блестяще показано Марксом в «Капитале». Завершая рассмотрение судеб капиталистического производства, он пишет: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивиду-

¹ А. М. Бутлеров. Соч., т. III, изд-во АН СССР, 1958, стр. 54.

альную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»¹.

Действие закона отрицания отрицания ясно прослеживается при рассмотрении перехода от химических закономерностей движения материи к биологическим. Ключевым объектом молекулярной биологии является макромолекула биополимера. Вследствие высокой структурной специфичности макромолекул в биохимических системах качественно изменяется роль межмолекулярных сил, что приводит к принципиально новому процессу в протоплазме. Химикам этот процесс знаком. Он связан с физическим невалентным взаимодействием молекул, приводящим к возникновению молекулярных соединений, жидких и твердых кристаллических структур. Его осуществляют весьма скромные вандерваальсовские силы, водородные связи — слабые формы взаимодействия вещества. Эти силы обеспечивают правильную укладку молекул при кристаллизации и очень чувствительны к особенностям строения молекул: при кристаллизации из смеси нескольких аминокислот одной из них не было случая, чтобы другая кислота включалась в решетку растущего кристалла.

В результате химической эволюции развивалась «пригнанность» различных молекулярных структур организмов друг к другу. Она проявляется, в частности, в довольно строгом отборе аминокислот по их оптической конфигурации. Возникновение стереоспецифических макромолекул имело своим результатом качественный рост роли и значения межмолекулярных сил. Возник, как выясняется, новый путь построения себе подобного ве-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 773.

щества: использование некоего шаблона, на котором строятся все новые и новые тождественные молекулы. Химических валентных сил, связей, структур перестало хватать для прогрессивного усложнения материи. Этот прогресс стал базироваться на казалось бы слабых, малоспецифичных, эфемерных невалентных связях, знакомых химику в основном по изучению физических свойств соединений.

Великий переход от химической формы движения материи к биологической оказался в какой-то мере, возможно, очень существенным, осуществляемым на высшем уровне, возвратом... к физике. Количественный рост невалентных сил, которые относятся к физическим, привел к возникновению нового качества. Если химическая связь атомов внутри молекулы противостоит физической связи между молекулами, как ее отрицание, то в биохимических структурах, кажется, совершается отрицание этого отрицания.

Необходимо подчеркнуть, что разрешение противоречия не может явиться лишь следствием и продуктом мыслительной работы познающего субъекта. В природе противоречие разрешается путем действительного развития предмета, в обществе — через деятельность людей. Как отмечал Маркс, «разрешение **теоретических** противоположностей оказывается возможным только практическим путем, только посредством практической энергии людей»¹.

Особенно ярко это требование выдвигается и проявляется, когда противоречие как бы превращается в замкнутый порочный круг. В своей работе «Великий почин» В. И. Ленин писал о тех гигантских трудностях, перед лицом которых оказалась наша страна и партия

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 594.

в условиях разрухи, гражданской войны и голода. В те годы, чтобы как-то оживить производство, поднять производство, поднять производительность труда, необходимо было спасти рабочего от голода; но чтобы спастись от голода, следовало в первую очередь наладить производство, транспорт, поднять производительность труда. С абстрактно-теоретической точки зрения такое противоречие неразрешимо. Но выход из этого тупика лежит в практической деятельности трудящихся. «Известно,— писал Ленин,— что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп»¹.

Развитие от старого качества к новому характеризуется еще одной существенной особенностью, на которую указывал В. И. Ленин. В «Философских тетрадах» он писал: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности»². Скачок означает разрыв со старым, нарушение постепенности, возникновение нового качества.

Итак, разрешение противоречия выступает как единство преемственности и скачка, прерывности и непрерывности в развитии. В истории это проявляется в форме смены и единства эволюционных и революционных периодов, форм и путей развития.

Эволюционный этап развития не является полным застоем: в этот период идет количественное накопление изменений, постепенное накопление различных противоречивых свойств, заострение противоположностей. Если объективные условия в этот период еще не созрели для

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 256.

разрешения назревающих противоречий, то крайне вредными и бесплодными являются попытки их эклектического смазывания. Пока противоречие не может быть разрешено на действительной почве, оно не может быть разрешено и в теории, следовательно, нельзя его замазывать или затушевывать, напротив, следует заострять его до противоположности. В таком заострении противоречия — революционная сторона эволюционного процесса.

Вместе с тем было бы ошибочно представлять революцию как некий внезапный, одномоментный прыжок, моментальное превращение одного качества в другое. Внутри самого революционного процесса имеется эволюционная сторона. В работе «Очередные задачи советской власти» Ленин высмеял тех абстрактных революционеров, которые рассматривали революцию в виде внезапного прыжка. Он писал: «Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читанного у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов...»¹. Эта мысль Ленина имеет крайне важное методологическое значение для науки в целом. В естествознании приходится нередко

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 204—205.

сталкиваться с представлением о скачке как об одномоментном превращении «вдруг», например при рассмотрении ядерного распада, химической реакции, наследственной мутации. Но такое «вдруг» еще не означает понимания процесса. Необходимо увидеть в нем противоположную, эволюционную сторону, расчленить миллиардную долю секунды еще на миллиард частей, чтобы узнать этапы, стадии, промежуточные звенья исследуемого процесса.

В соответствии с учением марксизма-ленинизма в «скачке» можно выделить следующие стороны. *Это, во-первых, устранение старого противоречия, разрыв постепенности.* На эту сторону социальной революции указывали Маркс и Энгельс в «Святом семействе»: «Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность»¹.

Нарушение преемственности со старым обществом выражается в том, что в ходе революции решается основной вопрос — вопрос о власти. Между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата происходит разрыв постепенности. Поэтому отсутствует преемственность в построении органов власти этих двух типов государств: социалистическая революция в России ликвидировала и буржуазный суд, и полицию, и старую армию.

Второй стороной скачка является то, что новое сохраняет известные элементы старого внутри себя в качестве своей необходимой основы. Социалистическое переустройство общества возможно только на базе достигну-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

того капитализмом уровня развития, с использованием всех достижений техники, общечеловеческой культуры. Уничтожение частной собственности отнюдь не означает полную ликвидацию стоимости как меры затрат человеческого труда. На это обращал внимание еще Маркс: «...По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»¹.

Революция устраняет эксплуататора как классовое, а не как физическое лицо. В ноябре 1917 года Ленин писал: «У нас нет ни тени озлобления против лиц, и мы приложим усилия, чтобы помочь им перейти на новое положение»². Революционный террор против представителей буржуазии был лишь ответом на белый террор с их стороны. В этом проявляется отрицательная связь с прошлым, со старым, которое определяет некоторые черты нового. Ленин придавал особое значение этой стороне дела, анализируя внешние условия существования молодого Советского государства. В период споров вокруг Брестского мира он отмечал, что, конечно, заключение мира освободит немецкие войска для операций на других фронтах, но развязывание революционной борьбы против немцев поможет англо-французской коалиции. «С этой стороны, — писал Ленин, — в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистической связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 421.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 65.

Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной стране, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась»¹.

Третьей чертой революционного скачка является преемственное преобразование элементов прошлого, когда сохраняется их форма, но изменяется содержание, ввиду чего должно измениться и отношение к ним. Кооперативный план Ленина базировался на использовании и развитии различных форм кооперации, которая всячески третиновалась при капитализме за ее торгашество и которая становится важнейшим условием развития социалистических отношений.

Анализируя опыт использования буржуазных военных и технических специалистов в строительстве Красной Армии, восстановлении народного хозяйства, Ленин выдвигал в качестве важнейшей задачи Советского государства «подчинение себе враждебного для позитивной работы»². Это указание имеет важное значение для преодоления сектантских ошибок в коммунистическом движении.

Наконец, четвертой особенностью революционного скачка является всемерная поддержка новых форм общественных отношений, трудовой деятельности, организации. Ленин в «Великом почине» подчеркивал, что новое при его зарождении в течение некоторого периода продолжает оставаться слабее старого, поэтому необхо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 247.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 456.

димо внимательно относиться к росткам нового, помогать их росту и развитию.

Мы охарактеризовали такие стороны революционного скачка, которые в совокупности представляют положительное упразднение старого противоречия. Таким положительным упразднением противоположности между капиталом и трудом является коммунистическая революция, преемственно сохраняющая все завоевания цивилизации, все богатства мировой культуры, преодолевающая антагонизмы прошлого и открывающая путь для беспрепятственного развития личности и общества.

Известны стремления и к отрицательному упразднению этого противоречия, характерные, как отмечал Маркс, для неразвитого, уравнительного, мелкобуржуазного коммунизма с его требованием абстрактного равенства, нигилистическим отношением к культуре, психологией зависти, нивелировки личности. Это отрицательное упразднение противоположности труда и капитала по существу выражает не преодоление, а всеобщее торжество частной собственности, не сохранение и развитие общественного богатства и культуры, а сведение всех к одинаковому уровню бедности и убожества. Все это, прикрытое крикливой левой фразой, выражает настроения и требования мелкого частного производителя.

Великая сила диалектического материализма заключается в том, что он не закрывает глаза на противоречия, не сводит их к плоскому различию. Противоречия вообще не могут улечься, если к ним подходить с политикой страуса, напротив, как всякий непознанный закон, они в этих условиях могут действовать лишь со стихийной, разрушительной силой. Противоречие должно быть познано, и лишь после этого начинается свободное движение внутри его. Только на этой основе становится ясным, как строить практическую деятельность, как ис-

пользовать отдельные стороны противоречия, регулировать их взаимоотношения, разрешать в конечном итоге противоречие. Именно так функционирует в качестве фундамента социалистического управления принцип демократического централизма, непостижимый для тех, кто не понимает диалектической природы противоречия. Ленин показал, как надо применять диалектический подход при разработке политики по национальному вопросу, выдвинув на первый взгляд противоречивое политическое требование для представителей большой нации: настаивать на праве самоопределения вплоть до отделения для малых народов, а для представителей малых народов — добиваться объединения в крупное централизованное государство.

Нужды социалистического государства требуют твердой власти отдельных лиц для осуществления руководства процессом производства и вместе с тем поголовного участия в управлении всего населения, максимального развязывания, стимулирования, использования инициативы масс. Проявление бюрократизма в отдельных звеньях государственного аппарата вызывает, как подчеркивал Ленин, необходимость решения двоякой задачи: защиты трудящимися своего государства и защиты трудящихся от своего государства с помощью массовых организаций самих трудящихся.

Когда в первые годы Советской власти обсуждался вопрос о соотношении уравнительного потребления и ударности, т. е. предпочтительности в обеспечении групп рабочих, занятых на особо важных работах, Ленин высказал следующую важную мысль: «Вопрос трудный. Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немного учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности,

а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности»¹. Ленинизм показал блестящие образцы познания и использования противоречия в практике социалистического строительства. Этот опыт имеет общеметодологическое и общетеоретическое значение для всех наук, для всех сфер человеческой деятельности.

Необходимым условием такого успешного применения диалектики является самокритика как закономерность развития советского общества и коммунистической партии. Самокритика есть практически примененное диалектическое отрицание, она является свидетельством внутренней силы и честности революционного движения. Ее можно назвать мерилom серьезности партии, ответственности ее перед массами. Самокритика непрерывно сопоставляет теорию и тактику движения с их действительной, реальной основой; она открыто отбрасывает все устаревшее и ошибочное; она учится и учит на ошибках, добиваясь их устранения, улучшения дела. Самокритика требует открытого и свободного обсуждения назревших вопросов движения. «Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии, но общие принципы должны неизменно соблюдаться»², подчеркивал Энгельс.

В основе самокритики может лежать лишь подлинно научное рассмотрение действительности, не приспособляющееся к какой-либо установившейся точке зрения, не отступающее перед истиной, высказывающее ее открыто и до конца, не страшась последствий. Ибо, «чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствии с интересами и стремлениями рабочих»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 211.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 426.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 317.

Основанная на науке, на постижении закономерностей общественного развития и природы, деятельность человека преобразует окружающую действительность, создает новые формы общения, новые формы в самой природе.

В процессе развития некоторые противоречия полностью устраняются вместе с их основой, другие сохраняются в снятом виде, участвуя в функционировании той или иной системы, но не определяя направления ее развития; наконец, возникают новые противоречия, требующие анализа. Бесконечно развертывающаяся практическая деятельность человека возможна лишь через познание и разрешение возникающих противоречий. Сознательное овладение диалектическим движением — необходимое условие становления и развития коммунистической формации, становления и развития всесторонне развитой, активно и сознательно действующей личности строителя коммунизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава 1. Диалектика тождества и различия	7
Глава 2. Противоречие как полярность	20
Глава 3. Противоречие как антагонизм	37
Глава 4. Система противоречий. Основное противоречие	47
Глава 5. Взаимное проникновение и борьба противоположностей.	56
Глава 6. Пути разрешения диалектического противоречия	68

Замечания и пожелания по брошюре просьба направлять в Сектор философии и научного коммунизма Отдела преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР по адресу: Москва, ул. Жданова, 11.

**ЖДАНОВ
ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ**

**ЗАКОН ЕДИНСТВА
И БОРЬБЫ ПРОТИВОПО-
ЛОЖНОСТЕЙ КАК СУТЬ,
КАК ЯДРО ДИАЛЕКТИКИ**

Редактор *Л. Г. Князева*
Мл. редактор *Н. А. Филоненко*
Худож. редактор *В. М. Поздняков*
Техн. редактор *А. К. Нестерова*
Корректор *Р. А. Лазаренко*

А-03181 Сдано в набор 2/II—67 г.
Подп. к печати 10/VI—67 г.
Формат 70×108¹/₃₂
Объем 2,625 печ. л
3,675 усл. п. л. Уч.-изд. л. 3,28
Изд. № Общ — 530 Тираж 8000 экз.
Цена 13 коп.

Москва, К-51, Неглинная ул.,
д. 29/14,

Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 8
Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете
Министров СССР,
Хохловский пер., 7. Зак. 267

Опечатка в брошюре Ю. А. Жданова „Закон единства и борьбы противоположностей как суть, как ядро диалектики“

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
69	4-я строка снизу	„Видужщее“	„Движущее“

Цена 13 коп.

- Введение
- Глава 1. Диалектика тождества и различия
- Глава 2. Противоречие как полярность
- Глава 3. Противоречие как антагонизм
- Глава 4. Система противоречий. Основное противоречие
- Глава 5. Взаимное проникновение и борьба противоположностей
- Глава 6. Пути разрешения диалектического противоречия

ВЫСШАЯ ШКОЛА 1967